

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ (СТ. 318 УК РФ):
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПУБЛИКОВАННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)»**

Выполнил
Багавутдинов Искандер Фалгатович,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность
2018 года набора, 821 учебного взвода

Руководитель
доцент кафедры,
кандидат юридических наук, доцент
Бадамшин Ильфат Давлетнурович

К защите _____
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ И.Р. Диваева

подпись

Дата защиты « ___ » _____ 2023 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты определения элементов и признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти».....	8
§ 1. Характеристика специфики объекта и потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти».....	8
§ 2. Признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти».....	23
§ 3. Характеристика субъективных признаков ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти».....	41
Глава 2. Анализ спорных вопросов квалификации по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» и разграничения с иными составами преступлений.....	51
§ 1. Некоторые вопросы разграничения ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» от смежных составов преступлений.....	51
§ 2. Отражение спорных аспектов квалификации по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» в опубликованной практике судов Российской Федерации.....	61
Заключение.....	71
Список использованной литературы.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Государство как гарант соблюдения законности и правопорядка в обществе формирует для этих целей значительный по численности аппарат, который и должен выполнять соответствующие функции. Представители власти, в отличие от иных лиц, включенных в деятельность государственного аппарата, являются непосредственными носителями соответствующих государственных функций, имеют право предъявлять законные требования в отношении неограниченного круга лиц, которые в свою очередь для них являются обязательными к исполнению. Соответственно, деятельность представителя власти (сотрудника правоохранительного или контролирующего органа) неизбежно имеет риски противодействия со стороны граждан, склонных к нарушению закона.

Стабильность государственной власти и управления – необходимый элемент обеспечения режима законности и правопорядка в государстве. Именно по этой причине ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» расположена законодателем в структуре преступлений против порядка управления. Этим производится акцент на том, что, причиняя вред представителю власти, его физической или психической неприкосновенности, любое лицо одновременно посягает на установленный порядок управления.

В науке уже давно на вызывает дискуссий вопрос относительно целесообразности самостоятельного уголовно-правового запрета в отношении случаев посягательств на представителей власти. При этом санкции ст. 318 УК РФ сконструированы таким образом, что они предполагают существенно повышенные параметры государственного принуждения, в сравнении с так называемыми «общеуголовными» посягательствами на здоровье. Необходимо отметить, что УК РФ содержит и иные составы преступлений, которые связаны с различными формами причинения вреда лицам, находящимся под особой государственной защитой в связи со спецификой выполняемых ими функций. Это ставит необходимость четкого определения границ и параметров уголовной

ответственности по ст. 318 УК РФ, по которой судебная практика российских судов до настоящего времени не является единообразной.

Статья 318 УК РФ является достаточно часто применимой в судебной практике по той причине, что в ее рамках криминализирован значительный диапазон насильственных действий в отношении как представителя власти, так и его близких, который является наказуемым (от причинения побоев и даже угрозы побоями до причинения тяжкого вреда здоровью). В тоже время, согласно ежегодным данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ежегодно регистрируемые факты совершения преступления по ч. 2 ст. 318 УК РФ составляют не более 10-12%, в основном квалификация осуществляется по ч. 1 ст. 318 УК РФ¹.

Так, в 2017 году общее количество осужденных по ст. 318 УК РФ составило 7158 человек, из них по ч. 1 ст. 318 УК РФ – 6333 чел., по ч. 2 ст. 318 УК РФ – 825 чел. В 2018 году соответствующие показатели были представлены следующими цифрами: общее количество осужденных – 6695 чел., из них по ч. 2 ст. 318 УК РФ – 5560 чел., а по ч. 2 – 735 чел.

В 2019 году продолжилось снижение количества случаев осуждения по ст. 318 УК РФ: общее количество осужденных составило 6370 человек, из них по ч. 1 – 5738 чел., по ч. 2 – 632 человека. В 2020 году общее число осужденных по ст. 318 УК РФ составило 6287 чел., из них по ч. 1 – 5628 чел., а по ч. 2 – 600 чел.

В 2021 году произошел рост случаев осуждения по ст. 318 УК РФ. При этом общее количество осужденных по данной статье составило 7523 чел., из них по ч. 1 – 6910 чел., а по ч. 2 – 613 человек.

Таким образом, можно наблюдать сохранение определенных пропорций в плане осуждения по ч. 1 и ч. 2 ст. 318 УК РФ. При этом рост случаев осуждения по ст. 318 УК РФ представляет собой достаточно тревожный сигнал, поскольку свидетельствует о возрастании количества криминальных насильственных инцидентов в отношении представителей власти.

---

¹ Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

В целом, данное обстоятельство может иметь и конъюнктурные объяснения (например, повышение внимания правоприменительной практики к совершению подобных посягательств). Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ обладает гораздо меньшей степенью латентности, чем аналогичные акты насильственного поведения в «бытовой сфере», то закономерно предположить, что негативная тенденция может быть отмечена. Латентность преступлений по ст. 318 УК РФ снижена, в частности, по той причине, что акты насильственного поведения имеют место в связи с выполнением представителем власти служебных обязанностей, по причине чего они, как правило, становятся известными.

Необходимость исследования теоретических и практических аспектов оценки и применения ст. 318 УК РФ обуславливается тем, что требуется обеспечение как защиты представителей власти и их близких от любых насильственных инцидентов, связанных с исполнением первыми своих служебных обязанностей, так и защита лиц, оказавших законное сопротивление представителям власти в случаях, когда ими были явно превышены должностные полномочия.

Отметим, что теоретическому анализу ст. 318 УК РФ был посвящен значительный объем диссертационных исследований и научных публикаций. В частности, можно выделить работы следующих авторов: Ю. И. Бытко, Ю. М. Антонян, Н. И. Загородников, Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов, А. И. Долгова, П. С. Елизаров, Ю. А. Красиков, А. Ю. Кизилов, А. В. Наумов, Н. Г. Иванов, И. Я. Козаченко, А. С. Никифоров, Л. Д. Гаухман, А. И. Рарог, Г. Н. Борзенков, З. А. Незнамова и др. Диссертационные исследования по рассматриваемой проблематике проведены С. А. Яковлевой, О. П. Грибуновым, А. М. Гамидовым.

Целью исследования в выпускной квалификационной работе является установление (уточнение) теоретических аспектов уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, специфики их учета в судебной практике судов РФ.

Для достижения цели выпускной квалификационной работы необходимо решение следующих задач:

- проанализировать теоретические аспекты определения элементов и признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ с учетом материалов опубликованной судебной практики;
- дать характеристику специфики объекта и потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ;
- рассмотреть признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ;
- сформулировать характеристику субъективных признаков ст. 318 УК РФ;
- исследовать наиболее значимые вопросы разграничения ст. 318 УК РФ от смежных составов преступлений;
- проанализировать спорные аспекты квалификации по ст. 318 УК РФ в опубликованной практике судов Российской Федерации.

Объектом исследования в выпускной квалификационной работе являются общественные отношения, возникающие в связи с установлением уголовно-правового запрета в отношении применения насилия к представителю власти или его близким в связи с выполнением служебных обязанностей, а также общественные отношения, возникающие в каждом конкретном случае совершения преступления, подпадающего под признаки состава ст. 318 УК РФ.

Предметом исследования являются нормы уголовного права, необходимые для определения уголовно-правовой оценки деяния, предусмотренного ст. 318 УК РФ, акты официального толкования высшей судебной инстанции Российской Федерации по смежным вопросам, связанным с определением признаков, включенным в ст. 318 УК РФ, опубликованная практика судов Российской Федерации, а также теоретические разработки, имеющиеся по исследуемой проблеме.

Методологическую основу выпускной квалификационной работы составили общетеоретические и частно-научные методы познания, диалектический метод познания реальной действительности; методы анализа и синтеза, формально-логический, статистический методы. Ключевым методом

исследования стал метод эмпирического анализа материалов опубликованной судебной практики, который был также обеспечен применением метода контент-анализа информационно-коммуникационных ресурсов.

Теоретическая и практическая значимость исследования, проведенного в выпускной квалификационной работе, заключается в том, что оно систематизирует различные аспекты теоретических трактовок, имеющих место в современной уголовно-правовой науке, что с использованием материалов опубликованной судебной практики позволяет поставить новые акценты, требующие дальнейшей проработки и решения. Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и рекомендации, содержащиеся в работе, могут быть использованы и послужить основой для последующих исследований, а также могут быть оценены как рекомендации по совершенствованию практики применения ст. 318 УК РФ.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка использованной литературы.

**ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ
И ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТ. 318 УК РФ «ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ»**

**§ 1. Характеристика специфики объекта и потерпевшего от преступления,
предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении
представителя власти»**

Уголовно-правовая характеристика любого преступления всегда начинается с оценки тех общественных отношений, которые следует определить в качестве объекта соответствующего посягательства. В теории уголовного права категория объекта преступления до настоящего времени является одной из наиболее спорных, поскольку при преобладании традиционной оценки в его качестве тех или иных общественных отношений, имеют место и точки зрения, что в качестве объекта преступления следует определять то или иное конкретное благо. Составы, подобные ст. 318 УК РФ, относятся как раз к тем составам преступлений, в рамках которых подобные трактовки приобретают особое значение. Так, полагая, что объектом данного преступления является порядок управления (как должно следовать из традиционного понимания объекта преступления), как бы происходит некоторое нивелирование такого блага, как здоровье представителя власти (признаваемого в рамках данного состава в качестве дополнительного объекта преступления).

Известно, что в теории уголовного права общепринятым является деление объектов преступления «по вертикали» и «по горизонтали». Так, в УК РФ «по вертикали» выделяется четыре группы объектов: общий (контур которого определяется непосредственно в Общей части УК РФ), родовой, видовой и непосредственный. Причем, в данном аспекте УК РФ отличается от уголовного законодательства многих стран ближнего зарубежья, где выделяется преимущественно только три «звена»: общий, родовой,

непосредственный. Что касается деления «по горизонтали», то в данном случае классификация производится уже на уровне непосредственного объекта, то есть на уровне тех общественных отношений, которые ставятся под защиту в рамках отдельно взятой статьи Особенной части УК РФ. Достаточно большое распространение имеют преступные деяния, которые одновременно посягают на один и более объект преступления (собственность и жизнь; общественный порядок и собственность; конституционный строй и здоровье и т.д. в самых различных вариациях). Вместе с тем, законодательная техника требует того, чтобы УК РФ был четко структурирован, по причине чего для определения места того или иного состава преступления (в совокупности с набором закрепленных законодателем квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков) происходит по принципу выделения «ключевого» объекта преступления, то есть того, который определяет природу и характер соответствующего деяния в большей степени. Это, в частности, предполагает, что выделение на уровне непосредственного объекта основного и дополнительного объектов вовсе не означает, что дополнительный объект представляет собой менее значимое для охраны уголовным законом благо.

Родовым объектом ст. 318 УК РФ, исходя из структурного деления уголовного закона, является совокупность общественных отношений, которые в законе лаконично названы «государственная власть».

Так, в частности, Л. В. Иногамова-Хегай полагает, что родовой объект соответствующей группы преступлений (в том числе, и ст. 318 УК РФ) следует определить как общественные отношения по осуществлению государственной власти¹. О. П. Грибунов в своем диссертационном исследовании указывает, что в данном случае родовой объект преступления должен быть определен как совокупность общественных отношений, которые обеспечивают нормальную деятельность государственного аппарата, а также его должностных лиц².

---

¹ Курс уголовного права / Под ред. В. С. Комиссарова. Т. 4. Особенная часть. М., 2012. С. 334.

² Грибунов О. П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 11.

При этом обращает на себя внимание, что в отдельных исследованиях в рамках своеобразного объекта насильственных посягательств на представителей власти признаются общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование государственной власти и ее легитимность¹. Подобные трактовки обращают внимание на то обстоятельство, что представитель власти, несмотря на то, что он является носителем того же объема благ, что и любой человек, не обладающий данными специальными признаками, в первую очередь расценивается как представитель государственного аппарата в целом. В данном контексте понятие «представитель власти» непосредственно включает в себе данную атрибутивную характеристику. Соответственно, весь спектр противодействия реализации представителем власти своих полномочий, начиная от вербального противодействия и заканчивая причинением смерти, относится, в первую очередь к посягательствам на лицо, которое наделено осуществлять те или иные полномочия от лица государства.

В целом, государственная власть характеризует собой сочетание различных систем и подсистем, в рамках которых те или иные субъекты, наделенные определенным набором полномочий, осуществляют функцию по реализации тех или иных направлений государственной деятельности. Некоторые из лиц, которые включены в государственный аппарат, находятся в «обезличенном» состоянии в рамках УК РФ, поскольку к ним могут быть применены только общие, типовые характеристики, например «должностное лицо» (сюда можно, к примеру, отнести губернаторов, мэров городов, представителей государственных корпораций и т.д.). Что касается категории «представитель власти», то в отношении него УК РФ осуществляет явно выраженную спецификацию, что обусловлено особым характером выполняемых функций, а также общеобязательностью требований для неопределенно большого круга лиц.

---

¹ Яковлева С. А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 21.

Что касается понятия «порядок управления», который выступает в качестве видового объекта преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, то данная сфера государственной власти связана с реализацией значительного спектра государственных функций, связанных с упорядочиванием тех или иных процессов в обществе, в том числе, и посредством деятельности специально уполномоченных лиц. Так, в частности, В. Д. Меньшагин считает, что порядок управления – это «правильная» деятельность государственного аппарата, обеспеченная соответствующими должностными лицами органов власти и управления¹. В свою очередь, оценивая категорию «порядок управления», Г. Ф. Поленов указывает, что под ним следует понимать не только деятельность государственного аппарата, но и любых других органов управления. При этом то обстоятельство, что в соответствующей главе УК РФ ставятся под охрану исключительно те общественные отношения, которые связаны с государственным управлением, объясняется значимостью данного объекта уголовно-правовой охраны и его отличием от иных управленческих отношений, которые складываются в негосударственном секторе². Подобная трактовка имеет место и в иных исследованиях, в которых также устанавливается акцент на том обстоятельстве, что порядок управления в смысле объекта уголовно-правовой охраны представляет собой исключительно упорядоченную деятельность государственных органов, основанную на конституционных нормах, отраслевом законодательстве и ведомственных актах³.

Следует отметить, что теоретическое внимание к определению порядка управления в настоящее время проявляется в гораздо меньшей степени, нежели в период советского развития науки уголовного права. Во многом это связано с общими тенденциями развития юридических наук, в ходе которой произошло существенное смещение вектора исследований с общеметодологических основ

---

¹ Меньшагин В. Д. Иные преступления против порядка управления: учебник по Особенной части. М., 1957. С. 385.

² Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления: дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1971. С. 25.

³ Правопорядок: социально-правовое понятие и содержание // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Калининград, 1995. С. 96.

на решение более частных задач. Вместе с тем, оценивая имеющиеся публикации по теме, можно отметить, что существенной дискуссии в отношении определения сущности порядка управления как видového объекта уголовно-правовой охраны в теории нет. В принципе, имеет место и единодушие в определении понятия «преступление против порядка управления», под которым понимается общественно опасное, виновное, противоправное и наказуемое деяние, причиняющее вред управленческим отношениям.

При этом большинство исследователей обращают внимание на существенное видовое разнообразие, которое имеет место в структуре видového объекта «порядок управления». Так, в частности, выделяют следующие основные три группы преступлений, объединенных в Главе 32 УК РФ: 1) посягательства на субъектов управленческой деятельности (к данной группе относится и исследуемый состав ст. 318 УК РФ); 2) посягательства на предметы управленческой деятельности (в частности, совершаемые в отношении официальных документов); 3) посягательства на установленный управленческий порядок (например, самоуправство, незаконная миграция и т.д.)¹.

Как мы уже указали, в структуре теоретических оценок понятия объекта преступления имеются различные точки зрения, в том числе, и признающие в качестве такого те или иные интересы. Одним из сторонников подобной трактовки является А. В. Наумов, который полагал, что в структуре уголовно-правовой охраны порядка управления следует выделять и общественные интересы, связанные с тем, что граждане являются заинтересованными в том, чтобы данная сфера общественных отношений была упорядочена и унифицирована². При этом авторы исследований нередко подчеркивают, что особенность порядка управления как объекта уголовно-правовой охраны

---

¹ Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 17.

² Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. М.: Волтерс Клувер, 2011. Т. 1: Общая часть. С. 324.

заключается также в том, что данный порядок обеспечивается наличием определенных властно-управленческих отношений, которые осуществляются специальными субъектами¹.

Таким образом, специфика ст. 318 УК РФ, если оценивать ее в рамках характеристики объекта преступления, заключается в том, что данное преступление является по своему характеру двухобъектным, где один объект основной – порядок управления, а второй – дополнительный, то есть здоровье представителя власти или близких ему лиц. Здесь следует также отметить, что дополнительный объект является обязательным, поскольку сам характер преступления предполагает в обязательном порядке причинения вреда физической или психической неприкосновенности либо самого представителя власти, либо близких ему лиц.

Из теории уголовного права известно, что признаком преступления, тесно примыкающим к понятию объекта преступления, является предмет преступления. В плане функциональной роли в рамках элементов и признаков состава преступления потерпевший от преступления фактически выполняет роль такого признака, как «предмет преступления», то есть отражает тот объект материального мира, по поводу которого совершается преступление. Однако исходя из этического критерия, в отношении людей, которым преступлением причиняется тот или иной вред, принято использовать термин «потерпевший». В данном случае следует особо отметить, что уголовно-правовая трактовка понятия «потерпевший» является отличной от трактовки данного понятия в сфере уголовно-процессуального права, где потерпевшим может быть признано и не только то лицо, которому преступлением был причинен непосредственный вред. Итак, потерпевшими по ст. 318 УК РФ могут выступать две категории лиц: сам представитель власти, а также его близкие. И в данном случае возникает сразу два спорных вопроса. Во-первых, каковы точные контуры

---

¹ Егиазарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10.

понятия «представитель власти». Во-вторых, кого следует понимать в рамках понятия «близкие».

Как указывается в примечании к ст. 318 УК РФ, «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости». При этом в науке уголовного права единодушия по отношению к трактовке понятия «представитель власти» нет. Нередко в теоретических исследованиях производятся противопоставления понятий «должностное лицо», «представитель власти», «государственный деятель» и т.д. Иными словами, в рамках различных функций, связанных с осуществлением государственного управления, не всегда однозначно можно ответить, что та или иная профессиональная деятельность управленческого характера может быть расценена как деятельность представителя власти. В данном случае всегда однозначно отнесение к представителям власти сотрудников полиции. Однако уже в отношении сотрудников прокуратуры и т.д. нередко возникают те или иные дискуссионные моменты.

В целом, УК РФ дает необходимые ориентиры для того, чтобы иметь возможность для разграничения представителя власти и иных субъектов, которые к данной категории отнесены быть не могут: 1) выполнение правоохранительных или контрольных функций; 2) обязательность требования для неопределенного круга лиц. В этой связи указание исследователей на то обстоятельство, что к представителям власти следует относить лиц, которые обеспечивают нормальную государственно-управленческую деятельность (соответственно, органов государственного или местного самоуправления), которые осуществляют государственные или общественно полезные функции¹, представляется несколько неточным. Хотя, с другой стороны, в подобной

---

¹ Гамидов Р. Т. Применение насилия в отношении представителя власти: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: на примере Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

трактовке имеется и рациональный элемент, поскольку могут иметь ситуации, когда лицо, не являющееся сотрудником правоохранительного органа, подверглось нападению по причине того, что участвовало в охране общественного порядка на общественных началах (волонтер, доброволец, член дружины по охране общественного порядка и т.д.).

В теории уголовного права встречаются указания на то, что фактически перечень должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов приводится в ст. 2 Федерального закона от 22 марта 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹. Вместе с тем, обращаясь к данному федеральному закону, мы заметим, что в перечень ст. 2 входит значительное количество субъектов, которые однозначно не могут быть причислены к понятию «представитель власти»². Как минимум, к данной категории нельзя причислить судей, поскольку их деятельность не связана с порядком управления, а нацелена на осуществление правосудия по гражданским и уголовным делам. С другой стороны, может возникнуть вопрос относительно того, являются ли представителями власти лица, выполняющие функции уголовно-исполнительной системы (в частности, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций). С одной стороны, их функции можно связать с тем, что мы понимаем под понятием «порядок управления». С другой стороны, нельзя утверждать, что их распоряжения являются обязательными для неопределенного круга лиц, поскольку они связаны с исключительно «адресным» кругом воздействия. Таким образом, вопрос о трактовке признаков потерпевшего в рамках ст. 318 УК РФ до настоящего времени остается дискуссионным.

В свою очередь, исходя из положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике

---

¹ Сулейманова И. Е. Проблемы квалификации применения насилия в отношении представителя власти // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (34). С. 150.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. 45-ФЗ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7747/page/2> (дата обращения: 04.02.2023).

по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», к исполняющим функции представителя власти относятся «лица, наделенные правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иные лица правоохранительных или контролирующих органов, наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности»¹.

Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в рамках действующего российского законодательства имеется также и такая категория лиц, как должностные лица, осуществляющие функции представителя власти по специальному полномочию. В контексте приведенного выше постановления Верховного Суда РФ, данная категория лиц определяется следующим образом: «исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой. При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть

---

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7. С. 15.

признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций».

Полагаем, что в редких случаях может возникнуть необходимость разграничения ст. 318 УК РФ с составами, предусматривающими посягательство на государственного деятеля, в рамках иного объекта уголовно-правовой охраны. В большинстве случаев особых затруднений данный вопрос вызвать не должен, поскольку, как совершенно справедливо указывает Ю. М. Антонян, к понятию «государственный деятель» могут быть отнесены только лица, которые занимают достаточно высокое положение в государственной иерархии и могут оказывать значительное влияние как на стратегию работы соответствующего ведомства, так и на политическую жизнь государства¹. Именно по этой причине посягательства на государственного деятеля расцениваются как причинение вреда иному объекту – конституционному строю государства. В итоге получается, что руководитель того или иного силового ведомства (МВД, ФСБ, СК и др.) фактически совмещает в себе и понятие «государственный деятель», и «должностное лицо», и «представитель власти». Соответственно, если предположить факты совершения посягательств в отношении данных лиц, то вопрос о квалификации должен будет решаться ситуативно, в зависимости от всех фактических обстоятельств совершенного деяния.

Значимость данного вопроса потребовала от Верховного Суда РФ дачи соответствующих комментариев. Итак, согласно позиции Верховного Суда РФ, к представителям власти следует относить лиц, относящихся к любой ветви государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной), а также и работников надзорных, контролирующих органов, которые наделены законом соответствующим объемом распорядительных полномочий, который позволяет им адресовать свои требования гражданам и организациям, не находящимся от них в отношениях подчиненности.

---

¹ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 288.

Теоретическое и практическое значение данного вопроса заключается в том, что признаки потерпевшего в составе ст. 318 УК РФ можно оценивать как признаки, характеризующие сам характер преступления, а равно определяющим границы квалификации именно по данной статье УК РФ. Не определившись с понятием представителя власти, весьма затруднительно будет и определение категории «близкие лица» (поскольку предполагается, что лица являются близкими именно представителю власти). Именно по этой причине трактовка понятия «представитель власти» сохраняет свою дискуссионность в уголовном праве уже на протяжении достаточно длительного периода времени¹.

Наиболее часто в теории встречаются акценты, согласно которым следует особенно четко производить разграничения между понятиями «представитель власти» и «должностное лицо»². Действительно, в примечании к ст. 295 УК РФ, в котором формулируется понятие должностного лица, имеются заметные расхождения между формулировкой в примечании к ст. 318 УК РФ. Однако фактически данные понятия соотносятся как общее («должностное лицо») и частное («представитель власти»). По мнению Н. К. Рудого, «при формулировании понятия «представитель власти» в примечании к ст. 318 УК РФ законодатель допускает логическую ошибку по отношению к законодательной дефиниции «должностное лицо», которая выражается в повторении того же самого другими словами: «представителем власти является должностное лицо», а «должностное лицо – это лицо, осуществляющее функции представителя власти»³. Другие авторы также

---

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 100; Таможник Е. Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Тамбов, 2006. С. 98-99; Басова Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // Уголовное право. 2005. № 3. С. 9 и др.

² Кравцова О. В., Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А. Представитель власти как потерпевший от преступления // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 584.

³ Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 12.

указывают на данное обстоятельство как требующее четкого законодательного разграничения¹.

По мнению С. М. Кисиева, определение понятия «представитель власти», которое дается в примечании к ст. 318 УК РФ, является по своему характеру гораздо более универсальным, нежели определение понятия «должностное лицо», поскольку первое относится ко всем случаям упоминания в УК РФ, а второе – только при квалификации преступлений в рамках главы 30 УК РФ². А. Р. Саруханян полагает, что понятие «должностное лицо» следует оценивать как более широким по отношению к понятию «представитель власти»³.

Следует обратить внимание, что исследование признаков состава ст. 318 УК РФ нередко производится в науке уголовного права в комбинации с иными составами, где в качестве «специального потерпевшего» указывается представитель власти. На основе обобщений производятся выводы, которые авторы полагают уместными в рамках всех соответствующих составов. Так, в частности, А. Г. Брагина, исследуя вопросы уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, высказывает мнение, что в роли потерпевших в рамках соответствующих составов преступлений следует расценивать не только непосредственно представителей власти (в плане принадлежности к соответствующей профессиональной деятельности), но и иных лиц, которые выполняют соответствующие функции на общественных началах⁴.

В данных рассуждениях есть определенный смысл, поскольку стимулирование граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами требует дополнительных стимулов, в том числе, и точки зрения оценки значимости их деятельности и ее соответствующей охраны. С другой стороны, в случае причинения того или иного вреда данному лицу, виновный в данном

---

¹ Третьяков К. В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти. Самара, 2009. С. 9.

² Кисиев С. М. Понятие представителей власти в уголовном праве: Сб. науч. тр. Ставрополь, 2007. Вып. 5. С. 212.

³ Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003. С. 57.

⁴ Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 79-80.

посягательстве, скорее всего, отдает себе отчет в том, что посягает не на представителя власти, а на «гражданское лицо». По пути узкого понимания понятия «представитель власти» идет и судебная практика. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Русских указано: «по смыслу примечания к ст. 318 УК РФ представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Из материалов дела видно, что потерпевший, работая старшим инспектором безопасности АО «Ижмаш», в установленном законом порядке распорядительными функциями наделен не был и не мог быть признан представителем власти, поэтому действия осужденного по применению насилия к потерпевшему (причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное его расстройство) перекалифицированы с ч. 2 ст. 318 УК РФ на ст. 115 УК РФ»¹. Вместе с тем, не следует исключать возможность изменения в данном случае доктринального подхода к трактовке границ уголовной ответственности по ст. 318 УК РФ. В этом смысле вполне справедливы замечания исследователей относительно того, что если частным лицам делегируются определенные полномочия, которые свойственны представителям власти, то они должны быть и поставлены под соответствующую охрану².

В отдельных случаях, судебная практика идет по пути достаточно гибкой трактовки понятия «представитель власти». К примеру, в уголовном деле по обвинению Алимусалова, которое было рассмотрено Верховным Судом Республики Мордовия. В рамках данного дела в качестве потерпевшего выступил гражданин Н., который был определен как «кандидат в стажеры

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Русских // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 14.

² Богомолов Д. П. Уголовно-правовые меры охраны здоровья представителей общественности, в организованном порядке привлекаемых к деятельности по обеспечению правопорядка (ст. 318 УК РФ) / Д. П. Богомолов, М. Л. Прохорова // РСЛ. 2010. № 9. С. 4.

инспектора ППС». Соответственно, закономерно встал вопрос относительно возможности признания его в качестве представителя власти. Очевидно, принимая решение в пользу квалификации по ст. 318 УК РФ, суд исходил, в том числе и из ситуативной характеристики посягательства. Поскольку в соответствующем статусе «кандидата в стажеры инспектора ППС» потерпевший находился официально (т.е. получал денежное довольствие, привлекался к выполнению распорядительных функций сотрудника ППС и т.д.), то, соответственно, суд посчитал возможным пренебречь формальным критерием (отсутствие данной должности в перечне должностей правоохранительной службы)¹.

Таким образом, ключевым моментом в разграничении представителя власти с иными лицами, которые могут выполнять те или иные управленческие функции, является наличие у них соответствующих распорядительных полномочий. Сущность данных полномочий заключается в том, что формулируемые в ходе их исполнения требования являются обязательными для неопределенного круга лиц. В данном случае следует уточнить, что понятие «неопределенный круг лиц» не означает, что полномочия представителя власти имеют безграничный характер. Как указывает А. Г. Брагина, «хотя теоретически распорядительные полномочия представителя власти распространяются на неопределенный круг лиц, они в любом случае имеют силу лишь в определенных ведомственных границах»².

Как мы уже указали, из редакции ст. 318 УК РФ следует, что потерпевшими от данного преступления могут быть и лица, которые закон определяет в качестве «близких» для представителя власти. Непосредственно в рамках ст. 318 УК РФ данное понятие не раскрывается. Однако за основу могут быть приняты трактовки, применяемые в контексте его определения применительно к иным случаям квалификации. В частности, как разъясняется в

---

¹ Практика применения ст. 318 УК РФ, квалифицирующие обстоятельства. Ошибки в практике применения. ст. 318 УК РФ. – URL: <http://studbooks.net/> (дата обращения: 14.02.2023).

² Брагина А. Г. Указ соч. С. 76.

постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться «иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений»¹. В данном случае следует отметить, что трактовка понятий «близкие» и «близкие родственники» имеет существенное отличие, поскольку в категорию «близкие» могут быть включены и лица, которые вообще не имеют с представителем власти никакого родства (ни кровного, ни социального).

Еще более широкую трактовку понятия «близкие» мы обнаруживаем в других актах официального толкования высшей судебной инстанции РФ. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 года № 56 указывается, что к категории «близкие», помимо категории «близкие родственники», которая раскрывается в ст. 5 УПК РФ, относятся также лица, состоящие в ином родстве или свойстве (например, дяди, племянники, родственники супругов и т.д.); а также лица, которые заведомо для виновного являются близкими для потерпевшего от преступления, к которым могут относиться друзья, невеста, коллега, учитель и т.д.²

Соответственно, следует учитывать, что судебная практика идет по пути достаточно широкой трактовки понятия «близкие». По причине чего полагаем, что следует согласиться с К. В. Ображиевым относительно того, что «идентичность определенного признака (понятия) для ряда составов преступлений предопределяет необходимость его единообразного, универсального понимания»³.

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56. – URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8467/> (дата обращения: 14.02.2023).

³ Ображиев К. В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь, 2002. С. 80.

В данном случае примечателен тот факт, что в рамках категории «близкие» для представителя власти в контексте ст. 318 УК РФ имеется также повышенная степень уголовно-правовой охраны, отличающаяся от причинения того или иного вреда в контексте общеуголовных преступлений. Так, в частности «гражданское лицо», которое окажется «близким» для представителя власти в гораздо большей степени ставится под охрану в том смысле, что сам факт причинения побоев (насилия, не опасного для жизни или здоровья) оценивается как более общественно опасный, нежели причинение побоев в обычной ситуации. Так, в частности, в соответствии со ст. 116 и ст. 116.1 УК РФ, для привлечения к уголовной ответственности за причинение побоев требуется наличие дополнительных оснований (особых обстоятельств причинения побоев либо административной преюдиции).

В целом, включение в качестве «альтернативных» потерпевших по ст. 318 УК РФ близких представителя власти нам представляется обоснованным по той причине, что нередко воздействие на близких лиц воспринимается даже в гораздо большей степени болезненно, нежели воздействие на самого себя. В данном случае у представителя власти может возникнуть негативные эмоции по поводу того, что несмотря на наличие полномочий он не смог оградить близких от причинения физического или психического вреда. Возможна и негативная проекция на саму сущность правоохранительной или контролирующей деятельности, восприятие ее в качестве источника опасности.

§ 2. Признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»

Объективная сторона преступления представляет собой такой значимый элемент в общей структуре построения состава, который позволяет по внешним признакам дать оценку конкретному криминальному акту в качестве того или иного вида преступного посягательства. Как мы уже ранее указали, системообразующий признак «специального потерпевшего» в ст. 318 УК РФ

уже является достаточно значимым ориентиром в определении характера совершенного преступления. Хотя, безусловно, не следует исключать и случаи, когда особые свойства потерпевшего не будут иметь значения для квалификации преступления (например, причинение лицу, являющемуся представителем власти, вреда здоровью на бытовой почве).

Особенность объективной стороны составов преступлений, сконструированных в ст. 318 УК РФ заключается в том, что они всегда представляют собой активное воздействие на должностное лицо. Данное воздействие может иметь характер физического или психического, соответственно, причиняя вред физической или психической неприкосновенности потерпевшего (представителя власти или его близких).

Совокупность составов, предусмотренных в ст. 318 УК РФ предполагает возможность совершения следующих действий: угроза применения насилия (ч. 1 ст. 318 УК РФ); применении насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ); применении насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ). Таким образом, в контексте ч. 1 ст. 318 УК РФ имеют место альтернативные действия, совершение каждого из которых формирует самостоятельный состав преступления. Что касается причинения насилия, опасного для жизни и здоровья, то в данном случае имеет место оценка в качестве квалифицированного состава с повышенными параметрами ответственности.

Безусловно, оценка объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, требует четкого понимания понятия «насилие», равно как и его разновидностей, определяющих степень интенсивности данного насилия. Как указывал В. Г. Бужор, необходимо разграничивать такие понятия, как «насилие» и «применение силы», поскольку первое в любом варианте является нарушением закона, в то время, как второе не исключает и случаи законного применения¹.

---

¹ Бужор В. Г. Криминологический анализ и предупреждение тяжкой насильственно-групповой преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 12.

Текстуальное оформление ч. 1 ст. 318 УК РФ отличает то обстоятельство, что законодатель фактически придает равное значение психическому и физическому насилию. Подобные конструкции имеют место и в других статьях Особенной части УК РФ (например, в половых посягательствах). Полагаем, что в данном случае (в контексте ст. 318 УК РФ) объединение в одно деяние психического и физического насилия имеет место по той причине, что сам факт насильственного воздействия на представителя власти (независимо от интенсивности воздействия) является достаточным для того, чтобы признать данное преступление общественно опасным.

Физическое насилие является более исследуемой формой поведения в науке уголовного права. Так, Л. Д. Гаухман полагает, что под физическим насилием следует понимать общественно опасное противоправное воздействие, осуществляемое одним человеком на организм другого человека, причем, против его воли (то есть автор не рассматривает случаи причинения насилия по желанию потерпевшего в качестве такового)¹. Соответственно, понятие физического насилия в отношении представителя власти определяется через общее понятие насилия, однако с учетом специфических свойств потерпевшего от преступления². Некоторые исследователи трактуют понятие «физическое насилие» в достаточно расширительном аспекте: это «применение физической силы к потерпевшему»³. Однако в последние годы стало более заметно смещение трактовки насилия с исключительно внешних форм его выражения (фактически насилие действительно чаще всего совершается посредством применения силы) на более широкую его трактовку (в том числе, в рамках любых иных форм воздействия на организм человека, в том числе не связанных непосредственно с применением силы).

Как указывает А. В. Наумов, под физическим насилием в его общем понимании в области уголовного права следует понимать любое общественно

---

¹ Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 4.

² Кизилев А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 85.

³ Советское уголовное право: Особенная часть. М., 1962. С. 206.

опасное, противоправное воздействие на жизнь, здоровье человека, его права и свободы¹. Как видим, в данном определении понятие «насилие» имеет несколько более широкую трактовку, чем требуется нам для оценки правил квалификации в рамках ст. 318 УК РФ.

О. В. Старкова оценивает физическое насилие как своего рода итог физического, телесного соприкосновения преступника и жертвы, причем, данное воздействие может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер².

Угроза является альтернативной формой насилия, по причине совершения которого в отношении представителя власти или его близких может быть реализована уголовная ответственность в рамках ст. 318 УК РФ. В данном контексте следует отметить, что имеется явный дефицит официального толкования высшей судебной инстанции относительно правильной трактовки той или иной формы угрозы. Так, в частности, имеется частное разъяснение понятия «угроза убийством или причинением вреда здоровью» в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ: «не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение немедленного применения физического насилия к потерпевшему или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия (нож, бритва, топор и т. п.)»³.

В целом, оценка угрозы всегда должна иметь ситуационный характер. Основное назначение совершения подобной формы насилия в самом общем варианте следует расценивать как стремление запугать потерпевшего, парализовать его волю, принудить к совершению тех или иных действий, которые желательны для виновного лица. Так, И. Я. Фойницкий в свое время

---

¹ Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов. М., 1997. С. 50.

² Старкова О. В. Бытовые насильственные преступления: (причинность, групповая профилактика, наказание) Рязань, 1992. С. 3.

³ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11. – URL: <https://rg.ru/2004/06/29/iznasilovania-razjasnenie.html> (дата обращения: 04.02.2023).

определял угрозу как воздействие на психику потерпевшего, «возбуждение в нем страха и принуждение к определенным действиям или бездействию»¹. В более поздние периоды ученые предпринимали попытки двойственной оценки понятия «угроза». Так, А. А. Крашенинников оценивает ее, во-первых, как способ принуждения, то есть своего рода самостоятельный способ совершения преступления (инструментальное значение угрозы) и как самостоятельное деяние; во-вторых, он выделяет угрозу в составах поставления в опасность как возможность наступления тех или иных общественно опасных последствий².

Трактовка интенсивности насилия, которое предусмотрено в ч. 1 ст. 318 УК РФ, предполагает совершение насильственных действий, которые причинили физическую боль, но не вызвали кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также ограничение физической свободы потерпевшего³. Трактовка данного вида насилия имеет место в отдельных актах официального толкования. Так, согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), «следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»⁴.

Учитывая то обстоятельство, что насилие в составе ст. 318 УК РФ является системообразующим признаком, во многом определяющим характер данного деяния, от его ранжирования (степени тяжести фактически причиненного физического или психического ущерба) зависит и степень

---

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. СПб., 1900. С. 84-86.

² Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве России: проблемы теории и практики правового регулирования / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002. С. 16.

³ Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть. М., 1998. С. 314.

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 17.

уголовно-правовой «репрессии» к виновному лицу. Мы уже указали, что основным объектом данного преступления является порядок управления. Тем не менее, факт ранжирования уголовной ответственности в зависимости от степени реально причиненного вреда представителю власти подтверждает то обстоятельство, что дополнительный непосредственный объект – это не наименее защищаемое уголовным законом благо. Когда в качестве дополнительного объекта выступает жизнь, здоровье человека, то, в целом, закономерно предположить, что он является даже более значимым (как минимум по причине того, что они ставятся под охрану в рамках первой главы Особенной части УК РФ).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практика российских судов достаточно единообразна в плане трактовки в рамках ч. 1 ст. 318 УК РФ всех случаев физического насилия, в том числе и не повлекших кратковременного расстройства здоровья. При этом случаи причинения кратковременного расстройства здоровья квалифицировались уже по ч. 2 ст. 318 УК РФ (то есть в рамках понятия «насилие, опасное для жизни и здоровья»).

В данной связи примечательными, на наш взгляд, являются следующие примеры.

Приговором Тальменского районного суда Алтайского края был осужден по ч. 2 ст. 318 УК РФ Сабелькин, который своими действиями причинил сотруднику полиции Ф. легкий вред здоровью, повлекший кратковременное расстройство здоровья на срок менее 3-х недель¹. Суть инцидента заключалась в том, что виновный Сабелькин пытался скрыться на грузовой автомашине, груженной незаконно срубленным лесом, оказывая сопротивление представителю власти Ф., который пытался его остановить. После того, как Ф. запрыгнул на подножку машины, которой управлял Сабелькин, последний резко открыл дверь машины, столкнув Ф. на землю, после чего осуществил наезд на него задним колесом машины. В итоге Ф. был причинен ушиб мягких

---

¹ Приговор Тальменского районного суда Алтайского края по делу № 1-24/2012 от 11 января 2012 г. – URL:<http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

тканей правого локтевого сустава, кровоподтек в области правого локтевого сустава.

Приговором Верховного Суда Республики Башкортостан В. был осужден за то, что применил к сотруднику полиции, осуществлявшего его доставку к месту проведения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (по причине подозрения на управление транспортным средством в состоянии опьянения) следующие насильственные действия: удушающие приемы, выталкивание из машины и удары булыжником по голове. Учитывая причинение легкого вреда, повлекшего кратковременное расстройство здоровья, В. был осужден по ч. 2 ст. 318 УК РФ¹.

Приговором Оловянинского районного суда Забайкальского края был осужден Б., который, пытаясь воспрепятствовать составлению протокола об административном правонарушении, плеснул в представителя власти бензин из бутылки, после чего поджег одежду потерпевшего зажигалкой. В результате его действий потерпевшему были причинены ожоги 1-2 степени лица, шеи и кисти левой руки, которые были отнесены к категории легкого вреда здоровью, повлекшему кратковременную расстройство здоровья менее 3-х недель, по причине чего действия Б. были квалифицированы по ч. 2 ст. 318 УК РФ².

Итак, применение к представителю власти или его близким насилия, опасного для жизни или здоровья, приводит к трансформации ч. 2 ст. 318 УК РФ в квалифицированный вид данного преступления. Вопросы классификации насилия на «опасное для жизни и здоровья» и «не опасного для жизни и здоровья» достаточно детально разработаны в теории уголовного права, равно как и отражены в актах толкования высшей судебной инстанции РФ. В частности, как указывается в комментарии к УК РФ, «опасным для жизни или здоровья является вред здоровью, вызывающий состояние, угрожавшее жизни,

---

¹ Приговор Верховного суда Республики Башкортостан по делу № 49-о01-126 от 3 августа 2001 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

² Приговор Оловянинского районного суда Забайкальского края по делу № 1-73/2015 от 16 января 2016 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

которое может закончиться смертью»¹. Как указал А. В. Наумов, «под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»².

В данном случае следует обратить внимание на несколько различную трактовку понятия «насилие, опасное для жизни и здоровья». Очевидно, в первом случае речь идет исключительно о насилии, опасном для жизни (но не для здоровья), поскольку наличие рисков его окончания смертью следует трактовать именно в таком ключе. Соответственно, закономерно предположить, что наиболее верной трактовкой будет вторая, предлагающая более широкий и, в данном случае, верный подход. При комбинации наличия угрозы как в отношении здоровья, так и отношении жизни расширительная трактовка является более верной (т.е. то насилие, которое не является неопасным, фактически следует трактовать как опасное). В отношении же трактовки опасного именно для жизни насилия традиционно принято понимать тот его спектр, который связан с угрозой наступления смерти в момент непосредственного причинения вреда (то есть, когда при отсутствии быстрой медицинской помощи соответствующее повреждение может привести к смертельному исходу). Более того, к насилию, опасному для жизни и здоровья, как правило, относят и те ситуации, когда насилие хотя и не причинило соответствующий вред здоровью потерпевшего, но непосредственно в момент его применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (например, ограничение свободы потерпевшего в течение продолжительного периода времени).

---

¹ Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 1182.

² Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов. М., 1997. С. 41.

В ряде случаев оценка применения насилия в отношении представителя власти не вызывает особых затруднений в рамках ст. 318 УК РФ, однако возникает вопрос о возможной потребности в квалификации содеянного по совокупности преступлений. Так, приговором Медведевского районного суда Республики Марий Эл по ч. 2 ст. 318 УК РФ осужден К., который был доставлен в отделение полиции после того, как устроил домашний дебош, поругавшись с супругой. Не успокоившись даже после того, как оказался в отделении полиции, К. в какой-то момент схватил сотрудника полиции за шею, стал его душить и откусил часть носа, что по заключению экспертизы было признано тяжким вредом здоровью, выразившемся в неизгладимом обезображивании лица. Дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ не потребовалось¹.

Таким образом, в контексте ст. 318 УК РФ насилие следует признавать опасным также и в том случае, если оно не причинило реального вреда, однако создало угрозу для жизни и здоровья потерпевшего лица. Учитывая то обстоятельство, что ст. 318 УК РФ является ярко выраженной специальной нормой по отношению ко многим другим статьям (ст.ст. 112, 115, 116, 119 УК РФ), то квалификация производится исключительно по ст. 318 УК РФ. Фактически единственными формами насилия, которые не охватываются ст. 318 УК РФ, являются квалифицированные формы причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 3 и ч. 4 ст. 111 УК РФ), а также случаи умышленного причинения смерти представителю власти (ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 317 УК РФ). В данном случае для решения вопроса о наличии или отсутствии совокупности преступления применяются общие правила квалификации, в частности, путем совмещения санкций соответствующих норм. При равенстве мер наказания в санкциях следует вывод о том, что специальная норма полностью поглощает общую норму, соответственно, дополнительной квалификации не требуется (совокупность отсутствует). Если же санкция общей нормы превышает санкцию специальной, то требуется дополнительная квалификация, в данных

---

¹ Приговор Медведевского районного суда Республики Марий Эл № 1-35/2017 от 01.03.2017 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023)

ситуациях имеет место совокупность преступления (так называемая «идеальная совокупность»).

Вопросы исключительной (только в рамках специальной нормы) и совокупной квалификации ст. 318 УК РФ (с иными составами преступлений) во многом решаются, в том числе, и в рамках решения вопроса об объекте преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. Так, в частности, А. С. Никифоров указывает, что состав преступления ст. 318 УК РФ имеет «три непосредственных объекта: нормальное исполнение представителем власти своих должностных обязанностей; здоровье и телесная неприкосновенность указанных лиц; безопасность их жизни. Состав преступления, предусмотренный ст. 318 УК, поставлен законодателем вслед за составом преступления, предусмотренным ст. 317 УК, в связи с тем, что он близок к последнему по характеру и степени своей общественной опасности. Главное различие между ними заключается в том, что случаи причинения смерти (убийства) составом ст. 318 УК не охватываются»¹.

Известно, что характер законодательного построения объективной стороны состава преступления имеет непосредственное отношение к определению типа конструкции соответствующего состава. Исходя из построения объективной стороны состава ст. 318 УК РФ, его следует причислить к так называемым формально-материальным составам. То есть при наличии факта причинения насилия наличествуют признаки материального состава преступления, а при вменении угрозы причинения соответствующего насилия – формальные. С одной стороны, здесь можно оспорить данное положение и, в целом, признать данный состав в качестве материального (поскольку угроза порождает причинение вреда психической неприкосновенности потерпевшего). Вместе с тем, в теории уголовного права до настоящего времени превалирует точка зрения, что угроза относится к формальным составам преступлений.

---

¹ Российское уголовное право. Особенная часть / Под редакцией академика В. Н. Кудрявцева, д.ю.н., профессора А. В. Наумова. М., 1997. С. 422.

Таким образом, с объективной стороны применение насилия к представителю власти, квалифицируемое в рамках ст. 318 УК РФ, включает в себя достаточно широкий спектр насильственных действий, которые являются наказуемыми именно в рамках данной статьи. Причем, в диапазоне от побоев до причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе и в рамках угрозы причинения соответствующего насилия.

Указывая на то, что ст. 318 УК РФ имеет конкурирующий характер с иными преступлениями, следует особо обратить внимание, что различные формы противодействия представителям власти, которые включены в группу преступлений против порядка управления даже не всегда находятся в конкуренции друг с другом. В качестве примера можно привести случай, рассмотренный судом апелляционной инстанции Алтайского краевого суда г. Барнаул в отношении гражданина П., который был признан виновным в совокупности преступлений против представителя власти (оскорбление и применение насилия). Несмотря на доводы П., что в его действиях содержатся только признаки оскорбления (нецензурная брань), поскольку он находился в состоянии возбуждения после семейной ссоры и мог, размахивая руками, случайно задеть сотрудника. При этом было установлено, что в здании отделения полиции П. также ударил полицейского в подбородок, пытался перекинуть его через лестничные перила, в результате чего оторвал погон и повредил замок на форменной одежде. Соответственно, суд пришел к выводу о верной квалификации в первой инстанции по двум статьям УК РФ, оставив в объеме обвинения также и ч. 1 ст. 318 УК РФ¹.

Особенностью построения объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, является то, что в нем происходит определенное нивелирование необходимости четкого ранжирования интенсивности применяемого насилия. Очевидно, это объясняется тем, что в данном уголовно-правовом запрете производится необходимый акцент не столько на тяжести причиненного насилия, сколько на том факте, что виновный

---

¹ Приговор суда г. Барнаула Алтайского края по делу № 1-275/2015 от 10 октября 2015 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

противодействует нормальному осуществлению управления представителем власти. Иными словами, подчеркивается то обстоятельство, что любой диапазон насилия является общественно опасным. Фактически это созвучно трактовке насилия в трудах А. А. Пионтковского, который полагал, что «насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям»¹. В свою очередь, Л. В. Сердюк указывает, что как насилие (в обобщенном варианте) следует трактовать «внешнее со стороны других лиц умышленное, противозаконное физическое или психическое воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий»². В данном определении дополнительно подчеркивается, что насилие должно иметь характер противоправности. Вполне очевидно, что при совершении представителем власти явно незаконных действий, оценка которых в качестве противозаконных является очевидной (например, глумление над гражданами; принуждение сотрудников организаций сферы обслуживания к оказанию услуг только по факту его принадлежности к соответствующей профессиональной группе; требования к выполнению тех или иных действий, связанных с унижением человеческого достоинства и т.д.) не порождают у граждан обязанности подчиняться данным требованиям. Соответственно, их действия в рамках сопротивления данному представителю власти (в том числе, если возникает необходимость применения насилия) должны оцениваться в рамках института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

По нашему мнению, конструкция ст. 318 УК РФ, которая выполняет функцию специальной нормы по отношению к многим составам преступлений, нуждается в определенном совершенствовании. Включение дополнительных признаков (частей) в ст. 318 УК РФ позволит в гораздо более эффективном

---

¹ Пионтковский А. А. Преступления против личности. М., 1938. С. 88.

² Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С. 22.

варианте разграничить данный состав с так называемыми «общеуголовными» преступлениями, которые заключены в рамках главы «Преступления против личности».

Во-первых, ст. 318 УК РФ не охватывает те ситуации, которые имеют место в случаях причинения по неосторожности смерти представителю власти или его близким в связи с осуществляемым актом криминального насилия. Вместе с тем, подобные ситуации исключать нельзя. В данном случае потребуется (как мы уже ранее указали) квалификация по совокупности. Вместе с тем правила криминализации квалифицирующих признаков состава преступления требуют того, чтобы в рамках конкретного состава подлежали учету и соответствующей пенализации те обстоятельства, повышающие степень общественной опасности содеянного, которые имеют (или могут иметь) достаточную распространенность в рамках соответствующего состава. Полагаем, что случаи причинения смерти по неосторожности являются именно таким обстоятельством, требующим учета непосредственно в ст. 318 УК РФ с установлением повышенных параметров уголовной ответственности.

Кроме того, учитывая объективно складывающиеся ситуации в контексте деятельности представителей власти, когда им нередко приходится коллективно противодействовать тем или иным формам незаконного поведения, следует установить повышенные параметры ответственности и в отношении случаев причинения смерти по неосторожности двум и более лицам, которые в рамках ст. 318 УК РФ определены в качестве потерпевших. Это могут быть как два и более представителя власти, которые действовали совместно в рамках исполнения своих профессиональных обязанностей, так и двое или более «близких лиц» представителя власти, которые могут стать жертвами подобных действий.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, как следует из ее редакции, выражается не только в применении насилия, но и в угрозе его применения (то есть в психическом насилии). В данном случае возникает вопрос относительно содержания соответствующей угрозы, которая может быть квалифицирована в рамках ст. 318 УК РФ. В частности, можно ли в

качестве таковой рассматривать угрозу убийством либо соответствующие действия должны квалифицироваться в рамках иных статей УК РФ или даже по совокупности преступлений.

Вопрос об уголовно-правовой оценке и квалификации угрозы длительное время относится к одним из наиболее дискуссионных. При этом, закономерно предположить, что в общем объеме уголовно наказуемых угроз, угроза, высказанная представителю власти или его близким обладает гораздо меньшей степенью латентности (как естественной, так и искусственной), поскольку в данном случае риски того, что она не станет известна представителям правоохранительных органов (или будет ими сокрыта) существенно ниже, чем в рамках «общеуголовной» угрозы.

Как указывал И. Я. Фойницкий, угроза представляет собой такое воздействие на психику потерпевшего, которое приводит к возбуждению в нем страха и, как следствие, принуждает к определенным действиям или бездействию¹. В свою очередь, М. Д. Шаргородский акцентировал внимание на том, что угроза обладает той степенью общественной опасности, которая является достаточной для того, чтобы она была криминализована². В. Н. Кудрявцев фактически предупреждает относительно того, что нельзя признавать угрозу своего рода отсутствием реального вреда, поскольку последствия от нее следует оценивать как специфический вред³. Это в каком-то смысле относится к ранее указанному спорному вопросу оценки конструкции преступления, связанного с высказыванием угрозы. Очевидно, есть все основания к тому, чтобы трактовать его в качестве материального, поскольку любая угроза формирует вредное последствие в виде причинения психического вреда. Как указывает О. И. Коростылев, «воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его

---

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1900. С. 84-86.

² Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 250-252.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 151.

наступления»¹. А М. В. Хабарова пишет, что «под угрозой следует понимать психическое насилие (прямое и опосредованное), реализуемое через информацию о намерении совершить в отношении потерпевшего или близких ему лиц немедленно либо в будущем общественно опасные действия»².

В контексте трактовки понятия «угроза» в ст. 318 УК РФ важно понимать, что она должна иметь место именно в связи с выполнением представителем власти тех функций, которые непосредственно связаны с его профессиональной деятельностью (причем, и в отношении его близких это требование также имеет значение). При этом важным обстоятельством выступает необходимость той или иной степени объективации угрозы, то есть она должна быть донесена до потерпевшего в той форме, которая позволяет ее воспринимать в качестве таковой. Поскольку содержание угрозы в ч. 1 ст. 318 УК РФ не конкретизировано, то, полагаем, что это может быть, в том числе, и угроза убийством, причинением любого по тяжести вреда здоровью, а также побоев. В данном случае, конечно, необходимо ставить вопрос о степени интенсивности угрозы, однако законодатель в ст. 318 УК РФ идет по пути нивелирования данных отличий. Очевидно, именно по этой причине в науке высказывается мнение о том, что в случаях, когда в отношении представителя власти или его близких высказывается угроза убийством, то квалификации исключительно по ст. 318 УК РФ будет недостаточно, в связи с чем данные действия следует квалифицировать, в том числе, и по ст. 119 УК РФ³. С одной стороны, данная позиция нам представляется понятной (именно по той причине, что разница в интенсивности угрозы неизбежно ставит вопрос о необходимости того или иного ранжирования уголовной ответственности). Однако с другой стороны, можно данное обстоятельство отнести к решению

---

¹ Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: Монография. Ставрополь: СФ КА МВД России, 2005. С. 37-38.

² Хабарова М. В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 8.

³ Яковлева С. А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. С. 160.

законодателя уравнивать любой вид угрозы в качестве равной по степени общественной опасности именно по той причине, что она высказывается в отношении представителя власти или его близких. Кроме того, наказуемость угрозы в рамках ч. 1 ст. 318 УК РФ является гораздо более существенной, нежели в рамках ст. 119 УК РФ, что подтверждает высказанные нами предположения.

К примеру, Президиум ВС РФ удовлетворил протест заместителя Председателя ВС РФ, когда принял решение о переквалификации действий осужденного со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ. При этом из материалов уголовного дела усматривается, что осужденный Т., держа в руке нож и угрожая участковому инспектору В. убийством, одновременно пытался приблизиться к нему (что в контексте данной конкретной ситуации однозначно свидетельствовало о наличии реальных рисков причинения физического вреда). Однако В. удалось обезоружить Т. Суд в приговоре посчитал правильной квалификацию в рамках ст. 317 УК РФ, поскольку усмотрел наличие умысла Т. на убийство В. По утверждению самого Т., он «умысла на убийство участкового инспектора В. не имел и ножом на него не замахивался». В свою очередь, потерпевший В. в суде пояснил, что «он (В.) сразу выбил нож у Т., не дав ему возможности замахнуться».

Президиум ВС РФ согласился с доводами, сформулированными в протесте, что вид угрозы в ст. 318 УК РФ не конкретизирован. Соответственно, это может быть значительный диапазон высказываемых угроз (от причинения побоев до угрозы причинения смерти). Именно этот аргумент привел к выводу о необходимости переквалификации действий Т. со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ, что предполагало существенное снижение репрессивности применяемых к нему мер уголовно-правового воздействия¹.

В другом случае в ходе предварительного расследования следственных органов Косихинского района Алтайского края была осуществлена неверная квалификация действий Федоренко, которому были предъявлены обвинения по

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 86п2000 по делу Толкачева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9. С. 8.

ч. 2 ст. 318 УК РФ. По обстоятельствам дела, Федоренко увидел, что к его дому приближается участковый; испытывая страх, что к нему будут применены меры принуждения по факту избиения жены, он забежал в соседнюю комнату и схватил с тумбочки нож. Попытка причинить участковому вред путем размахивания ножом с расстояния одного метра не привела к причинению реального вреда по причине того, что участковый, применив боевой прием, быстро обезвредил Федоренко. Суд пришел к выводу, что в данном случае имеет место именно деяние, которое можно соотнести с понятием «угроза насилием», а поскольку ч. 1 ст. 318 УК РФ охватывает все случаи угроз (от менее опасных до более тяжелых форма физического насилия), то данная квалификация является достаточной¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследование угрозы в контексте ст. 318 УК РФ, как правило, производится через оценку ее признаков в рамках ст. 119 УК РФ, в том числе и в контексте признаков, которыми должна обладать уголовно наказуемая угроза. В частности, оценивая реальность как необходимый признак угрозы в ст. 318 УК РФ, исследователи указывают, что угроза по ст. 318 УК РФ может только в том случае нарушить нормальную деятельность представителей власти, когда она способна вызвать уверенность в том, что она может быть реализована².

При сопоставлении трактовки угрозы в рамках ст. 119 УК РФ и в рамках ст. 318 УК РФ обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тексте диспозиции ч. 1 ст. 318 УК РФ отсутствует формулировка «наличие оснований опасаться осуществления угрозы». Именно по этой причине авторы нередко высказываются относительно того, что в контексте специальных норм, в которых в качестве конститутивного признака включается угроза, требование ее реальности не должно расцениваться в качестве обязательного. К примеру, С. Н. Тулин указывает, что по причине приоритетной охраны лиц,

---

¹ Приговор Косихинского районного суда Алтайского края по делу № 1-75/2016 от 14 января 2016 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2023).

² Шрамченко А. В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 117.

осуществляющих служебную деятельность (представителей власти), высказываемая в отношении них (и их близких) угроза обладает заметно высоким уровнем общественной опасности, в том числе и при отсутствии оснований опасаться ее исполнения¹. Схожая трактовка признаков угрозы в рамках отдельных специальных составов (в частности, посягающих на такой объект, как интересы правосудия) высказана и Б. С. Райкес: «именно потому, что перечисленные в ст. 296 УК РФ угрозы посягают на нормальное осуществление правосудия, законодатель предусмотрел ответственность за них независимо от того, насколько они реальны. В связи со сказанным степень реальности угрозы может и должна учитываться не при определении наличия в действиях виновного признаков состава преступления, а при индивидуализации наказания»².

О наличии оснований опасаться осуществления угрозы свидетельствуют, прежде всего: «обстановка деяния; взаимоотношения виновного и потерпевшего; направленность, содержание и интенсивность угрозы; обстоятельства, характеризующие виновного и потерпевшего и др.»³. Вместе с тем, законодательное запрещение угрозы имеет место не столько по причине установления объективных возможностей реализации угроз, сколько в целях охраны здоровья человека от «состояния опасения преступной угрозы»⁴. Здесь следует учитывать, что в случаях высказывания угрозы насильем в отношении представителя власти (а равно его близких) непосредственно в связи с исполнением им своих служебных обязанностей (ч. 1 ст. 318 УК РФ), виновный и потерпевший могут не состоять друг с другом в каких-либо отношениях и быть вовсе не знакомы друг другу. Как указывается в специальных исследованиях, в 72% случаев, когда в отношении представителей власти или их близких высказывались угрозы в различных

---

¹ Тулин С. Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны. М., 1998. С. 112.

² Преступления против правосудия / Под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 77.

³ Левин П. Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19.

⁴ Шарапов Р. Д. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79-80.

формах, виновный и потерпевший не были знакомы друг с другом¹. Соответственно, оценка степени реальности угрозы, равно и как уровень опасений относительно ее возможной реализации в контексте ст. 318 УК РФ может быть весьма проблематичной. Именно по этой причине мы считаем аргументированным мнение о том, что в ч. 1 ст. 318 УК РФ угрозу следует преимущественно оценивать в рамках объективных признаков, а субъективный критерий (наличие оснований опасаться приведения ее в исполнение) целесообразно оценивать в качестве факультативного признака.

§ 3. Характеристика субъективных признаков ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»

Оценка субъективных признаков в рамках ст. 318 УК РФ является гораздо более единообразной (в отличие от оценки объективных признаков) по той причине, что она является схожей в рамках всех преступлений, предусмотренных ст.ст. 317-321 УК РФ, причем, как в рамках оценки признаков субъекта преступления (вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста), так и в контексте оценки субъективных признаков состава преступления (умышленная форма вины). Так, в частности, в науке уголовного права практически отсутствует дискуссия относительно возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ. В целом, следует заметить, что законодатель (как, впрочем, и теоретики права) достаточно сдержанно относится к вопросам понижения возраста уголовной ответственности за те или иные посягательства. При этом достаточно часто имеют место указания на явное «омоложение» преступности, выражение тенденций со стороны молодых лиц к совершению все более опасных форм насильственных посягательств. Как указывается по этому поводу в публикациях, «возраст, с которого несовершеннолетние на различных этапах развития нашего государства подлежали уголовной ответственности ...

---

¹ Кисиев М. Н. Угроза применения насилия в отношении представителя власти // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 32

определялся законодателем реже в сторону уменьшения и чаще в сторону увеличения возрастных пределов при признании правонарушителя субъектом преступления»¹.

Здесь «включаются» общеметодологические механизмы установления возраста уголовной ответственности в совокупности с тенденцией гуманизации уголовной политики государства в последние годы. При этом несовершеннолетние лица, даже при том условии, что они достаточно часто совершают насильственные преступления, находятся в привилегированном сегменте именно по причине сдерживания уголовной репрессии в отношении данной возрастной группы.

Умышленная форма вины в контексте ст. 318 УК РФ устанавливается, в первую очередь, через специфику конструкции объективной стороны данного состава преступления. При этом сам факт наличия мотива и цели совершения преступления в качестве конститутивного признака субъективной стороны состава преступления (как имеет место в ст. 318 УК РФ) традиционно является подтверждением того, что законодатель акцентирует именно умышленный характер совершенного преступления². Действительно, наличие цели и мотива как психических оснований уголовной ответственности особого, конкретизированного свойства исключает возможность признания неосторожной формы вины, самым фактором ситуационного характера формирования интеллектуального и волевого элементов. Кроме того, в самой трактовке понятия «насилие», как правило, изначально исключается возможность неосторожной вины (неосторожные преступления против жизни и здоровья традиционно не принято относить к группе насильственных преступлений).

---

¹ Литвяк Л. Г., Геворгян М. А. Проблемы снижения возрастных пределов уголовной ответственности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Часть 2. С. 252.

² Баглай Ю. В. Субъективная направленность преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 82.

Таким образом, субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. То есть в данном случае следует признать за правило, что виновный не только осознает характер совершаемых действий, но и желает совершить данные противоправные действия, направленные против представителя власти или его близких.

Однако в теории встречаются и иные, дискуссионные моменты, связанные с трактовкой субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. Так, к примеру, А. Ю. Кизиллов полагает, что так как в составе ст. 318 УК РФ имеются указания на последствия, которые могут быть оценены в конкретном размере (исходя из тяжести причиненного насилия конкретному вреду здоровью представителя власти или его близких), то допустимо отношение виновного к указанным «вредным изменениям» в форме косвенного умысла¹. В целом, данная позиция заслуживает внимания, поскольку сам механизм совершения преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, может отличаться значительной вариативностью. В частности, виновное лицо может не иметь волевого стремления именно причинить вред представителю власти, однако данный вред может быть ему причинен как «косвенный результат» в ходе того или иного варианта воспрепятствования деятельности представителя власти. В подобных ситуациях умысел, действительно, может иметь неопределенный характер, что исключает возможность трактовки его как прямого умысла. Анализ судебной-следственной практики свидетельствует о том, что где-то 1/5 часть всех случаев совершения преступлений по ст. 318 УК РФ относится к ситуациям, в которых констатируется косвенный умысел.

Так, к примеру, Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, с целью воспрепятствования законной деятельности П., который находился при исполнении своих служебных обязанностей. П. совершал законные действия по предотвращению правонарушения, а Б. оказывал ему достаточно активное сопротивление. В частности, его действия выразились в том, что, находясь в

---

¹ Кизиллов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 108.

салоне автомобиля Б. стал наносить удары по потолку автомобиля, а также по его стенкам, один из которых попал по лицу П. В ходе данного удара П. был причинено телесное повреждение в виде кровоподтека, которое не повлекло вреда здоровью¹. В ходе рассмотрения уголовного дела сам Б. указывал на то обстоятельство, что не желал непосредственно причинения вреда П., однако стремился своими действиями оказать воспрепятствование его действиям. Полагаем, что в данном случае налицо явный пример косвенного умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. При этом следует признать, что факт наличия специальной цели или мотива не являются препятствием для того, чтобы оценки психического состояния виновного лица была оценена в рамках модели косвенного умысла.

Следует обратить внимание, что при формулировании диспозиции ст. 318 УК РФ законодатель использует формулировку «в связи с исполнением своих должностных обязанностей». Этой формулировкой фактически подчеркивается два значимых обстоятельства. Во-первых, она позволяет отграничивать случаи применения насилия к представителю власти по ст. 318 УК РФ от аналогичных признаков преступлений, совершаемых на так называемой «бытовой почве» либо при других обстоятельствах, не имеющих отношения к его служебной деятельности. Во-вторых, она предполагает необходимость субъективной оценки действий виновного лица, которое должно точно осознавать, что совершает насилие в отношении представителя власти именно в связи с исполнением им своих должностных полномочий.

Фактически в данном случае возможны различные варианты поведения виновного лица, при которых его действия могут быть оценены по ст. 318 УК РФ: 1) непосредственное воспрепятствование представителю власти в ходе исполнения им своих обязанностей; 2) насильственные действия в отношении представителя власти на почве мести за совершенные служебные действия; 3) неперсонифицированное насилие в отношении представителя власти, совершаемое только по той причине, что он находится на государственной

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-75/2002 по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ.

службе и имеет соответствующие полномочия (полномочия представителя власти). Как пишет В. Ф. Цепелев, «связь действий виновного с исполнением должностным лицом своих обязанностей имеется в виду, во-первых, при применении насилия либо угрозы представителю власти в процессе исполнения им должностных обязанностей в целях их прекращения или принуждения к выполнению определенных действий немедленно; во-вторых, при применении насилия либо угрозы в целях воспрепятствования будущей деятельности представителя власти; в-третьих, при применении насилия из мести за прошлую деятельность»¹. Как пишет А. Ю. Кизилев, наиболее типичные случаи применения насилия к представителю власти или его близким имеют место, когда виновное лицо стремится воспрепятствовать тому, чтобы он совершил те или иные действия по пресечению правонарушения (преступления), а также в случаях применения к виновному лицу тех или иных принудительных действий в связи с совершенным преступлением или правонарушением².

Безусловно, подавляющее большинство криминальных инцидентов, квалифицирующихся по ст. 318 УК РФ, по своему механизму совершения связаны с незаконным насильственным воздействием на представителя власти или его близких именно в момент исполнения сотрудниками их законной деятельности. В любом случае, независимо от механизма конкретного криминального насильственного инцидента, виновное лицо осознает, что совершает насилие именно в отношении представителя власти или его близких и именно в связи с выполнением им должностных обязанностей³.

В данном случае фактически обязательным элементом субъективного восприятия виновного лица, совершающего преступление по ст. 318 УК РФ, является понимание того, что в случае надлежащего исполнения

---

¹ Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления: учеб. пособие. М., 2015. С. 22-23.

² Кизилев А. Ю. Указ. соч. С. 104-105.

³ Полный курс уголовного права: учеб.: в 5 т. Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 385.

представителем власти его должностных полномочий к виновному лицу будут применены те или иные меры государственного принуждения (меры обеспечения, административное наказание, меры уголовно-процессуального принуждения, уголовное наказание), которые для него являются нежелательными. Именно по этой причине применение насилия к представителю власти, как правило, не совершается в отрыве от тех или иных инцидентов, связанных с нарушением закона со стороны виновного лица. В целом, нельзя исключать и формирование заранее обдуманного умысла (например, если виновный планирует те или иные насильственные действия в случае, если будет осуществляться его задержание). Вместе с тем, как показывает судебная практика, умысел в отношении совершения преступления по ст. 318 УК РФ чаще всего выступает в качестве внезапно возникшего. Как указывают исследователи, в 54% изученных ими приговоров по ст. 318 УК РФ, насильственные действия виновных лиц имели место ситуационно, с целью избежать ответственности за тот или иной вид противоправного поведения¹.

Так, Верховным Судом РФ было рассмотрено в кассационном порядке дело в отношении осужденного Федотова, который из хулиганских побуждений совершил убийство Л., а также покушение на убийство Л. и Б., когда без явного повода и причины произвел выстрелы в стоящих рядом друг с другом потерпевших. В результате причиненных Федотовым ранения Л. скончался на месте. Желая избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности, Федотов угрожал применением насилия в отношении представителя власти. В целях того, чтобы угроза имела необходимое воздействие, Федотов с достаточно близкого расстояния направил стволы охотничьего ружья в сторону одетого в форменное обмундирование сотрудника ОВД К., который потребовал от виновного бросить оружие и прекратить сопротивление. В итоге К. удалось уклониться, выбить ружье из рук Федотова

---

¹ Амарсанаа Вандан-Иш Субъективная сторона посягательств на жизнь и здоровье представителя власти в уголовных законодательствах Российской Федерации и Монголии // Вестник краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 33-37.

и задержать его. Суд квалифицировал действия Федотова по совокупности преступлений: п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 318 УК РФ¹.

Отметим, что некоторые авторы не расценивают законодательную формулировку «в связи с исполнением им своих должностных обязанностей» в качестве своеобразной законодательной фиксации цели или мотива совершенного преступления, относя данное указание преимущественно к характеристике объективных обстоятельств совершенного деяния. Однако они, тем не менее, указывают, что в каждом конкретном случае должна быть установлена точная связь совершенного насильственного деяния с фактом исполнения представителем власти его должностных обязанностей².

Как показывает изученная судебная практика по рассмотрению уголовных дел по ст. 318 УК РФ, во всех случаях в приговорах акцентируется внимание на том, что виновный осознавал, что потерпевший (представитель власти) находится при исполнении должностных обязанностей. Так, в приговоре Асиновского городского суда Томской области в связи с обвинением гр-на С. по ст. 318 УК РФ³ указывалось, что виновный, «осознавая, что Ч. является представителем власти и находится при исполнении своих служебных обязанностей по охране общественного порядка, пресечению правонарушений и преступлений, так как находится в форменной одежде сотрудника полиции со знаками отличия, с целью избежать привлечения к административной ответственности, действуя умышленно, резко начал движение автомобиля задним ходом, сбил Ч., чем причинил ему физическую боль нанес телесное повреждение в виде закрытого оскольчатого перелома правой ключицы со смещением костных отломков, которое по длительности

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 1-о12-16 сп по жалобе осужденного Федотова Е. В. – URL: <http://sudact.ru/vsrfd/doc/gazaxDH2YmNj> (дата обращения: 18.02.2023).

² Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 92.

³ Приговор Асиновского городского суда Томской области по делу № 1-195/15 от 30 июня 2015 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

расстройства здоровья, продолжительностью свыше трех недель оценивается как либо повреждение, причинившее вред здоровью средней тяжести».

Несмотря на то обстоятельство, что в теоретических исследованиях, равно как и в судебной-следственной практике имеет место явное преобладание случаев, когда насилие в отношении представителя власти или его близких (ст. 318 УК РФ) совершается в связи с желанием уклониться от того или иного вида юридической ответственности (как правило, административно-правовой или уголовно-правовой), полагаем, что детализация данного обстоятельства непосредственно в тексте ст. 318 УК РФ была бы избыточной. В действующей редакции ст. 318 УК РФ (в соотношении ее с положениями Общей части УК РФ) установлено правило, согласно которого ответственности по ст. 318 УК РФ может быть привлечено любое лицо, обладающее признаками так называемого «общего субъекта». В случае же если бы в редакцию ст. 318 УК РФ было бы внесено дополнение относительно специальной цели виновного (стремление избежать ответственности), то фактически формировалась бы конструкция специального субъекта преступления, что в данном случае нежелательно, поскольку это сузило бы сферу применения данной статьи. В подобных ситуациях не следует исключать и такие варианты криминальных насильственных инцидентов, когда насилие или угрозу применения насилия в отношении представителя власти либо его близких осуществляют не только правонарушители (преступники), но и иные лица, находящиеся с ними в родственных или близких отношениях.

Как мы уже указывали, ответственность по ст. 318 УК РФ наступает только в том случае, когда представитель власти действует законно, то есть в пределах предоставленной ему компетенции. Соответственно, лицо, которое причинило тот или иной вред в случае сопротивления незаконным действиям представителя власти не может нести ответственность по ст. 318 УК РФ. Полностью исключать подобные ситуации нельзя, поскольку для представителей власти, к сожалению, также характерно совершение тех или иных противозаконных действий. Затруднение в данном случае возникает преимущественно по той причине, что на уровне обыденного правосознания

граждан часто бывает достаточно сложно точно определить незаконный характер действий представителя власти, в особенности, когда они совершаются с соблюдением установленных законом процессуальных форм применения принудительного воздействия в отношении граждан. Соответственно, речь преимущественно идет о случаях явного нарушения закона со стороны представителя власти, когда имеется грубое, очевидное нарушение закона. В подобных ситуациях действия лица, сопротивляющегося поведению представителя власти, следует оценивать по правилам института необходимой обороны¹.

Так, в апелляционном постановлении Белгородского областного суда была оправдана Р., которая обвинялась по ч. 1 ст. 318 УК РФ и ст. 319 УК РФ, в частности, в том, что она применила не опасное для жизни и здоровья насилие к сотруднику инспекции по делам несовершеннолетних А. Как было установлено апелляционной инстанцией Р. применила насилие в целях обороны от незаконных действий сотрудников полиции. Таким образом, все составленные в отношении Р. протоколы были отменены, производства прекращены, а также за ней было признано право на реабилитацию².

В отношении параметров возраста уголовной ответственности по ст. 318 УК РФ до настоящего времени особых дискуссий не возникает, поскольку предполагается, что для того, чтобы лицо могло нести уголовную ответственность, необходима так называемая «возрастная вменяемость» – возможность осознавать общественную опасность и характер совершаемых действий. Соответственно, законодатель исходит из презумпции, что лицо, не достигшее 16-летнего возраста, не способно быть субъектом по ст. 318 УК РФ, в том числе и по квалифицированным видам данного преступления.

---

¹ О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 года. № 9. – URL: <https://base.garant.ru/1305309/> (дата обращения: 14.02.2023).

² Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22-1468/2020 от 9 декабря 2020 г. по делу № 1-322/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2023).

В данном случае имеют значение возрастные параметры субъекта преступления преимущественно с точки зрения их точного установления – действует правило, которое было установлено еще в советский период развития уголовно-правовой теории и судебной практики. Так, в частности, Верховный Суд РСФСР по делу осужденного П. указал, что совершение преступления в день совершеннолетия (около 24.00 часов 30 сентября 1964 г., но не после полуночи) не позволяет устанавливать в отношении него параметры уголовной ответственности как для совершеннолетнего лица. Также в судебных инстанциях советского периода давались разъяснения (которые принимаются в расчет до настоящего времени), что временем достижения определенного возраста следует считать следующие сутки со дня рождения лица. В случаях же, когда возраст лица определяется экспертным путем, то за основу должна приниматься дата 31 декабря того года, который определен в качестве года рождения исследуемого лица. В целом, во всех случаях определения возраста лица, в отношении которого решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности, за основу принимается минимальный возраст¹.

Таким образом, в случае совершения лицом, не достигшим 16-летнего возраста деяний, которые по иным объективным и субъективным признакам подпадают под квалификацию по ст. 318 УК РФ, ответственность может наступать только по тем статьям УК РФ, по отношению к которым устанавливаются пониженные параметры возраста уголовной ответственности (ст. 111 УК РФ, ст. 112 УК РФ). Кроме того, следует учитывать и необходимость учета обстоятельств, которые установлены ч. 3 ст. 20 УК РФ, в соответствии с которыми не может подлежать ответственности несовершеннолетний, который хотя и достиг возраста уголовной ответственности, но по причине отставания в психическом развитии не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия) либо руководить ими.

---

¹ Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР. М., 1995. С. 148.

ГЛАВА 2 АНАЛИЗ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 318 УК РФ «ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ» И РАЗГРАНИЧЕНИЯ С ИНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Некоторые вопросы разграничения ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» от смежных составов преступлений

Специфика деяний, регламентированных ст. 318 УК РФ, заключается в том, что в целом ряде случаев возникает необходимость их разграничения как с преступлениями «общеуголовного» характера (то есть со статьями УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за различные виды причинения вреда здоровью), так и с иными преступными посягательствами в отношении представителей власти. В данном случае следует учитывать явно выраженную криминологическую сопряженность преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ со многими иными обстоятельствами, которые требуют установления точного разграничения либо применения квалификации по правилам совокупности преступлений.

Так, в частности, могут возникнуть спорные вопросы относительно разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ и ст. 318 УК РФ. В соответствии с редакцией диспозиции ст. 317 УК РФ, наказуемым вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни является «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность...».

В сопоставлении со ст. 318 УК РФ обнаруживается значительное количество различий, но и определенное количество схожих параметров. Так, к отличиям со ст. 318 УК РФ можно признать: 1) ограничение круга потерпевших до сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих;

2) указание на специальную цель – воспрепятствование законной деятельности данных лиц либо из мести за такую деятельность. При этом сам термин «посягательство», исходя из общепринятой трактовки в теории уголовного права включает в себя как причинение смерти, так и покушение на убийство данных лиц (по правилам назначения наказания в случае покушения наказание в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни не назначаются).

Таким образом, спорные вопросы разграничения при квалификации действий виновного лица могут возникнуть в ситуациях, когда потерпевшим от преступления является сотрудник правоохранительного органа или его близкие. При этом могут возникнуть сложности как в субъективной, так и в объективной оценке содеянного. Так, в частности, при причинении той или иной тяжести вреда здоровью нередко может быть затруднительно решить вопрос относительно того, является ли содеянное посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких (ст. 317 УК РФ) или применение к нему насилия в диапазоне до тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 318 УК РФ). Соответственно, в данном случае при оценке содеянного требуется тщательная оценка всех обстоятельств дела, в том числе и предшествующих криминальному инциденту.

Так, приговором Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) подсудимая Винокурова была признана виновной в преступлении, предусмотренном ст. 317 УК РФ¹. По материалам уголовного дела было установлено, что сотрудники полиции С. и Е. по время несения службы и находясь в служебном автомобиле, увидели идущую босиком Винокурову, у которой явно были видны признаки алкогольного опьянения. В целях выяснения фактических обстоятельств, С. и Е. последовали за Винокуровой на служебной автомашине. Винокурова, увидев «преследование», изначально попыталась скрыться от правоохранителей бегством (в данном случае, как минимум, имели место признаки административного правонарушения в виде появления в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения).

---

¹ Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-1124/2015 1-25/2015 1-25/2016 от 4 февраля 2016 г. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.02. 2023).

Сотрудники полиции потребовали от нее остановиться, однако Винокурова нанесла С. удар ножом в область груди, что имело признаки посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа.

В указанном случае фактически могла возникнуть спорная ситуация разграничения ст. 317 УК РФ и ст. 318 УК РФ, поскольку потерпевшему сотруднику полиции был причинен легкий вред здоровью, связанный с кратковременным расстройством здоровья сроком до 3-х недель. Фактически данная ситуация могла быть квалифицирована в рамках ч. 2 ст. 318 УК РФ. Однако в приговоре суда было указано, что «своими умышленными действиями Винокурова причинила сотруднику правоохранительного органа С. повреждение характера раны передней поверхности грудной клетки. Данное повреждение по признаку кратковременного расстройства здоровья, продолжительностью не свыше трех недель квалифицируется как легкий вред здоровью. Однако Винокурова не довела свой умысел, направленный на причинение смерти С., до конца по независящим от нее обстоятельствам в связи с использованием С. средства защиты – бронежилета. Использование бронежилета предотвратило причинение более тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни».

Таким образом, суд, по внутреннему убеждению, учитывая обстоятельства совершения преступления, пришел к выводу, что наиболее верной квалификацией, отражающей криминальное поведение Винокуровой, будет квалификация с применением ст. 317 УК РФ.

Однако в некоторых случаях в судебной практике имеют место и случаи, когда действия, изначально квалифицируемые по ст. 317 УК РФ, были в последующем переквалифицированы на ст. 318 УК РФ. Так, Президиум Верховного Суда РФ, в своем решении удовлетворил протест заместителя Председателя ВС РФ, который считал необходимым переквалифицировать действия осужденного со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ. При этом из материалов уголовного дела было видно, что осужденный Т. в ходе оцениваемого криминального инцидента держал в руке нож и, угрожая участковому инспектору В. убийством, приближался к нему. Однако с

применением боевых приемов участковому В. удалось пресечь действия Т. и обезвредить его. В ходе следствия по делу и судебного разбирательства Т. указывал, что не имел умысла на убийство В., а также не замахивался с ножом в отношении В. В свою очередь, сам В. показал, что сразу предпринял действия по нейтрализации угрозы от Т., фактически не дав ему замахнуться. В итоге Верховный Суд РФ согласился с доводами протеста относительно того, что угроза в ч. 1 ст. 318 УК РФ является по смыслу уголовного закона неконкретизированной, в силу чего требуется квалифицировать данные действия по ч. 1 ст. 318 УК РФ¹.

Таким образом, фактически основным параметром разграничения ст. 317 УК РФ и ст. 318 УК РФ является критерии четкого определения объекта преступления (в ст. 317 УК РФ требуется однозначное установление того, что виновный посягал именно на жизнь сотрудника правоохранительного органа). В структуре ст. 318 УК РФ в качестве обязательного дополнительного объекта, как мы уже неоднократно ранее указывали, выступает здоровье представителя власти (к которым относятся и сотрудники правоохранительных органов).

Авторы специальных исследований по данному вопросу также специально указывают на то обстоятельство, что в ст. 317 УК РФ под уголовно-правовую охрану ставится деятельность по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка; в свою очередь, по ст. 318 УК РФ предполагается уголовно-правовая охрана любой законной должностной деятельности представителей власти (в том числе и контексте близких лиц, указанных как в ст. 317 УК РФ, так и в ст. 318 УК РФ)². В целом, необходимость разграничения в указанных случаях возникает тогда, когда в качестве потерпевших выступают сотрудники правоохранительных органов

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2000 г. (по уголовным делам) (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 28 июня 2000 г.). – URL: <http://www.allpravo.ru/> (дата обращения: 13.03.2023).

² Абдулкеримов И. З. Некоторые проблемы отграничения посягательств на сотрудников правоохранительных органов от смежных составов преступлений // Образование и право. 2019. № 6. С. 109.

или их близкие именно в связи с выполнением служебных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Исходя из вышеизложенного, специфика конструкции ст. 318 УК РФ, исходя из параметров объекта преступления, заключается в том, что она регламентирует ответственность за преступлением с двумя объектами (порядок управления и здоровье). По этой причине вполне закономерно возникает вопрос относительно разграничения ст. 318 УК РФ с составами преступлений, включенных в Главу 16 Особенной части УК РФ. Так, в частности, в преступлениях, которые предусмотрены ст.ст. 111 и 112 УК РФ включены квалифицирующие признаки, которые определяются как «причинения вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга».

Статья 318 УК РФ выступает специальной нормой к соответствующим статьям УК РФ, что, в первую очередь, предопределяется признаками потерпевшего от преступления. То есть в целях соотнесения преступления, квалифицируемого по п. «а» ч. 2 ст. 111, а также по п. «б» ч. 2 ст. 112, со ст. 318 УК РФ по признакам потерпевшего от преступления, законодателем используются такие признаки, как «осуществление служебной деятельности» и «выполнение общественного долга».

Согласно п. 6 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», под осуществлением служебной деятельности следует понимать «действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о

совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.)»).

Таким образом, в данном случае основным разграничительным аспектом является то обстоятельство, что в качестве потерпевших по п. «а» ч. 2 ст. 111 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, понимается более широкий круг лиц, которые занимают то или иное служебное положение, причем, не только в органах государственной власти, но и в организациях, учреждениях, предприятиях разных форм собственности (что прямо следует из трактовки ВС РФ, указанной выше). В связи с этим, в литературе указывается, что «потерпевшим при совершении преступлений, указанных в соответствующих пунктах ст.ст. 111 и 112 УК РФ, может быть как определенное должностное лицо, так и рядовой работник, например, сторож или охранник, при этом они не наделены распорядительными полномочиями»¹.

Итак, в рамках ст. 318 УК РФ в качестве основного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны выступает деятельность правоохранительных и контролирующих государственных органов; а по соответствующим пунктам ст.ст. 111, 112 УК РФ – любая иная деятельность кроме той, которая предполагается в рамках ст. 318 УК РФ.

Вместе с тем, не следует исключать и те ситуации, когда требуется квалификация по совокупности ст. 318 УК РФ и других статей УК РФ. В частности, принимая во внимание содержание санкций сопоставляемых статей УК РФ (по видам, размеру наказания), можно заметить, что ч. 2 ст. 318 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок до 10 лет. В свою очередь, ч.ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ включают более строгое наказание (до 12 и 15 лет соответственно). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в данном случае фактически отсутствует элемент конкуренции норм, а квалификация должна производиться по совокупности ст. 318 УК РФ и

---

¹ Красильникова О. В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ // Е-SCIO. 2021. № 6 (57). С. 105.

соответствующих частей ст.ст. 111 и 112 УК РФ, по которым санкция не поглощается санкциями ст. 318 УК РФ. Такой позиции в своих исследованиях придерживались ряд известных ученых в области уголовно-правовой науки (В. П. Ревин, А. В. Бриллиантов, Ю. Антонов, И. И. Голубов и др.).

Отчасти данная позиция противоречит предписаниям уголовного закона относительно правил конкуренции общей и специальной нормы (ст. 17 УК РФ), поскольку их одновременное вменение допустимо только в случаях, когда имеет место реальная совокупность, а в случае идеальной совокупности преступлений (то есть когда в одном деянии содержатся признаки двух и более преступлений) фактически требуется точное соблюдение правил конкуренции. Вместе с тем, подобная квалификация (соединение общей и специальной нормы в рамках идеальной совокупности) фактически отвечает требованиям ст. 6 УК РФ, устанавливающим принцип справедливости в реализации уголовной ответственности. То есть, если лицо фактически совершает более опасные действия, чем предусмотрены в рамках отдельной статьи (даже если она является специальной нормы), то назначение наказания исключительно в рамках данной статьи представляется несправедливым.

Так, в аналогичных случаях разграничения специальной нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 296 УК РФ, Р. К. Абазалиев предлагает в совокупности с ч. 3 ст. 296 УК РФ вменять также и ч. 3 или ч. 4 ст. 111 УК РФ в случае наступления соответствующих последствий. В обосновании своей позиции автор отмечает, что санкция ч. 3 ст. 296 УК РФ является менее строгой по отношению к санкциям ч. 3 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. И это при том, что ст. 296 УК РФ (превышение власти и должностных полномочий) регламентирует уголовную ответственность за действия, которые по своему характеру являются более опасными, чем «общеуголовное» причинение вреда здоровью¹. Полагаем, что данная ситуация, отмеченная указанным автором, является родственной по отношению к той, которую мы рассматриваем в контексте ст. 318 УК РФ.

---

¹ Абазалиев Р. К. О понятии и видах угрозы в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, ст. 296 УК РФ // Российский судья. 2004. № 11. С. 26.

В целом, как мы уже указывали в рамках предыдущих параграфов, в данном случае следует вести речь о недостаточно эффективной законодательной технике в вопросах согласованности составов преступлений между собой. Мы уже ранее указали, что ст. 318 УК РФ явно недостаёт закрепления в качестве квалифицирующих признаков таких обстоятельств, как «повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего», а также «повлекшего по неосторожности смерть двух и более лиц». Полагаем, именно такой способ решения вопроса был бы оптимальным: исключить «дефектную» конкуренцию и предусмотреть в рамках ст. 318 УК РФ все необходимые квалифицирующие признаки, которые исключили бы необходимость квалификации по совокупности с составами Главы 16 УК РФ.

На то обстоятельство, что в рамках состава ст. 318 УК РФ невозможно произвести квалификацию в случаях, когда представителю власти по неосторожности причинена смерть, обращает внимание А. В. Бриллиантов¹. Фактически обязательность дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ предопределяется тем, что право на жизнь (и соответствующие ему общественные отношения по неприкосновенности жизни другого человека) не включаются в качестве дополнительного непосредственного объекта в ст. 318 УК РФ.

В науке имеются теоретические позиции, согласно которым дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требуется, поскольку сама ч. 2 ст. 318 УК РФ предполагает возможность причинения смерти по неосторожности (в том числе, и исходя из санкции соответствующей части исследуемой статьи)².

Мы не в полной мере согласны с данным утверждением, поскольку жизнь как объект охраны, действительно, не предполагается в рамках ст. 318 УК РФ.

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 442.

² Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // СПС «Гарант»; Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: Монография. М., 2012. С. 154.

В том числе, к данному выводу приводят и трактовки в актах официального судебного толкования высшей судебной инстанции РФ (которые мы уже ранее цитировали), где в качестве «насилия, опасного для жизни и здоровья» указание на причинение смерти по неосторожности не указывается. Именно по этой причине следует признать, что действующая конструкция ст. 318 УК РФ является несовершенной, в частности, по той причине, что она не позволяет надлежащим образом квалифицировать случаи наступления по неосторожности смерти потерпевшего, а применение правил квалификации по совокупности в данном случае неприменимо.

Следует также отметить, что в рамках ст. 318 УК РФ вполне мыслимы и варианты квалификации по признакам неоконченного преступления (то есть с применением ч. 1 и ч. 3 ст. 30 УК РФ). Иными словами, в тех случаях, когда виновным лицом совершены все действия, которые он считал необходимыми и достаточными (в частности, направленными на причинение опасного для жизни и здоровья вреда здоровью представителя власти), но при этом умысел виновного не был реализован по независящим от него обстоятельствам, то деяние может быть квалифицировано как покушение на применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 318 УК РФ). При этом, как указывается в отдельных исследованиях, в случаях, когда в отношении представителя власти высказывается угроза (психическое насилие), которая подкрепляется теми или иными физическими действиями (например, нанесение ударов или демонстрация тех или иных предметов, которыми можно причинить вред потерпевшему), то следует оценивать данные действия как оконченное преступление¹.

При этом в судебно-следственной практике случаи квалификации преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ с применением положений ст. 30 УК РФ периодически имеют место. Так, приговором суда Астраханской области был признан виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 318 УК РФ гр-н Е.,

---

¹ Ермакова О. В. Особенности толкования и квалификации применения насилия в отношении представителя власти // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат. XXI Всерос. науч.-практ. конф., 2021. С. 95-96.

который, сопротивляясь сотрудникам полиции, взял со стола в своем рабочем кабинете канцелярские ножницы и замахнулся ими по направлению Ф., при этом намереваясь ударить Ф. острием данных ножниц. Данное действие Е. не удалось довести до конца по той причине, что Ф. сумел перехватить его руку, отвести удар и, применив боевой прием, обезвредить¹.

Разграничения ст. 318 УК РФ со ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования», в целом не должно вызывать серьезных затруднений. Несмотря на то обстоятельство, что в данных составах преступлений возможно определенное «пересечение» по признакам потерпевших (например, судья, прокурор, дознаватель, следователь, судебный пристав и т.д.), в рамках ст. 296 УК РФ оцениваются гораздо более специфичные ситуации, когда насилие осуществляется в связи с расследованием уголовного дела или его рассмотрением судом, то есть непосредственным объектом по ст. 296 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальный порядок осуществления правосудия².

Например, прокурор при осуществлении деятельности, связанной с осуществлением функций в рамках судопроизводства будет выступать в качестве потенциального потерпевшего по ст. 296 УК РФ, в случае же применения насилия (или угрозы его применения) в контексте других ситуаций, связанных с осуществлением им своих служебных полномочий, он может быть потенциальным потерпевшим по ст. 318 УК РФ. Таким образом формируется определенная многоступенчатая «лестница» специальных норм в УК РФ. Статья 318 УК РФ является специальной нормой по отношению к значительному количеству составов преступлений (в частности, предусмотренных главой 16 УК РФ). Вместе с тем, она может выступать и в качестве общей нормы (в частности, по отношению к ст. 296 УК РФ).

---

¹ Приговор от 4 февраля 2011 г. Астраханская область. – URL: <https://resheniya-sudov4.ru/7/108205/> (дата обращения: 13.03.2023).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2012. С. 1116.

§ 2. Отражение спорных аспектов квалификации по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» в опубликованной практике судов Российской Федерации

В ходе проведенного исследования уже неоднократно было продемонстрировано то обстоятельство, что судебная практика по ст. 318 УК РФ складывается весьма неоднородно, по причине чего нередко имеют место факты пересмотра и даже отмены приговоров судами вышестоящих инстанций. Следует признать, что ст. 318 УК РФ имеет значительное количество специфических признаков (многие из которых уже были отражены нами ранее), образующих в тех или иных ситуационных сочетаниях значительное количество вариаций, требующих правильной квалификации и разграничения со смежными составами преступлений. В частности, возникают спорные ситуации относительно разграничения ст. 317 и ст. 318 УК РФ (в случаях, когда потерпевшими являются сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих дознание и следствие, а также их близкие); в вопросах правильной квалификации при выборе между ч. 1 и ч. 2 ст. 318 УК РФ; при необходимости решения вопроса о наличии или отсутствии в деяниях виновного лица совокупности преступлений.

Исследование следственно-судебной практики показывает, что нередко производится специальное обращение к иным нормативно-правовым актам для определения понятия «представитель власти». Мы уже ранее проиллюстрировали частные случаи, когда отнесение того или иного потерпевшего к представителю власти (что дает основание для квалификации по ст. 318 УК РФ), сопровождается теми или иными спорными трактовками. При этом, несмотря на то что в Федеральном законе № 45-ФЗ от 20.04.1995 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» содержится достаточно детальный перечень, он не дает исчерпывающих ориентиров по той причине, что категория «представитель власти» в нем не обособлена, равно как и отдельно не обозначены субъекты правоохранительных и контролирующих функций. Что же

касается примечания к ст. 295 УК РФ, которое указывает, что «должностным признается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти...», то данная трактовка слабо помогает в точной оценке признаков представителя власти, поскольку в данном случае, напротив, через его использование осуществляется определение понятия «должностное лицо».

Что касается понимания «близких», то в процессуальных документах (протоколах, приговорах), как правило производится отсылка не к УПК РФ, а к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», где в рамках данной категории понимаются «родители, супруг, дети, усыновители, усыновленные, родные сестры и братья, бабушка, дед, внуки, иные лица, состоящие с представителем власти в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся личных отношений ему дороги».

Аналогично, и установление иных признаков ст. 318 УК РФ при квалификации по ней тех или иных насильственных криминальных инцидентов производится посредством использования актов официального толкования по иным вопросам, непосредственно не относящимся к ст. 318 УК РФ. Так, признак «насилие, не опасное для жизни и здоровья» трактуется в рамках разъяснений Постановления Пленума ВС РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». При этом конкретизация вреда и относимость его по тем или иным параметрам к «опасному» или «не опасному» осуществляется по правилам, устанавливаемым Минздравом РФ¹.

Мы также указывали на то обстоятельство, что угроза в контексте ч. 1 ст. 318 УК РФ нередко трактуется в расширительном аспекте, то есть под ее признаки попадают любые действия, которые связаны с психическим

---

¹ Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. №194н. – URL: <https://resheniya-sudov4.ru/7/108205/> (дата обращения: 04.03.2023).

воздействием (независимо от интенсивности). Проанализированная судебная практика показывает, что установление факта угрозы часто является достаточным для того, чтобы квалифицировать по ст. 318 УК РФ, при этом суд акцентирует внимание на том обстоятельстве, что конкретизация содержания угрозы является избыточной¹. То есть фактически это может быть и угроза причинением побоев, и угроза причинением смерти. Данное обстоятельство, конечно, ставит определенные вопросы относительно правильности законодательного решения, поскольку происходит некоторое нивелирование степени общественной опасности тех или иных видов угроз. Полагаем, что данное обстоятельство объясняется преимущественно тем, что здоровье потерпевших является дополнительным объектом, по причине чего его тяжесть имеет факультативное значение.

При рассмотрении материалов уголовных дел по ст. 318 УК РФ, именно по причине специфике признаков потерпевшего от данного преступления, лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство приходится обращаться ко многим нормативным актам, ведомственным приказам, инструкциям, а также не исключается и применение решений Конституционного Суда РФ, который неоднократно рассматривал жалобы по поводу противоречия Конституции РФ ч. 1 ст. 318 УК РФ².

Таким образом, при уголовно-правовой оценке деяний по ст. 318 УК РФ в большей степени сложности возникают не по причине оценки той или иной степени насилия в отношении представителя власти (хотя данное обстоятельство также имеет значение для разграничения ч. 1 и с. 2 ст. 318 УК РФ), а в связи с необходимостью точного соответствия основному объекту уголовно-правовой охраны (т.е., что потерпевший действительно является представителем власти). Здесь нередко бывают некоторые разночтения. Так, в отношении сотрудников правоохранительных органов решение вопроса

---

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-11628/2014 от 25 августа 2014 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/paHxjdGL1oxu/> (дата обращения: 13.02.2023).

² Определения КС РФ по жалобе гр-на Поташова Г. А. от 28.02.2019 №560-О. – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).

является практически очевидным. Хотя следует учитывать, что в контексте понятия «представитель власти» в рамках ст. 318 УК РФ предполагаются также и сотрудники контролирующих органов. Так, по одному из дел, когда действия виновных были квалифицированы по ст. 318 УК РФ потерпевшим являлся контролер отдела контроля правил пользования наземным городским пассажирским транспортом ГКУ г. Москвы «Организатор перевозок»¹.

Как указывалось в одном из Бюллетеней ВС РФ, «по смыслу примечания к ст. 318 УК РФ представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Из материалов дела видно, что потерпевший, работая старшим инспектором безопасности АО «Ижмаш», в установленном законом порядке распорядительными функциями наделен не был и не мог быть признан представителем власти, поэтому действия осужденного по применению насилия к потерпевшему (причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное его расстройство) переквалифицированы с ч. 2 ст. 318 УК РФ на ст. 115 УК РФ»².

В любом случае при рассмотрении материалов уголовного дела требуется установления точности в отношении целого ряда факторов, в том числе, факт назначения лица (потерпевшего) на ту или иную должность, факт наличия в его должностных или служебных компетенциях тех полномочий, которые дают основания полагать, что его требования являются обязательными для неопределенного круга лиц. В данном случае, например, могут возникать вопросы в отношении аттестованных водителей в системе МВД РФ, которые фактически, в рамках выполняемых ими обязанностей, не имеют соответствующих полномочий. Здесь следует вспомнить, что непосредственно

---

¹ Приговор Тушинского районного суда г. Москвы №1-480/19. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

² Определение № 44-099-89 по делу Зубарева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

в ч. 1 ст. 318 УК РФ имеется указание на то, что деяние должно быть осуществлено именно в связи с выполнением представителем власти его служебных обязанностей.

Выяснение данных обстоятельств является крайне важным. Отсутствие достаточных доказательств того, что посягательство было именно в отношении порядка управления (т.е. на представителя власти) будет означать квалификацию по «менее строгим» статьям УК РФ (т.к. пенализация в рамках ст. 318 УК РФ является более строгой, нежели в рамках «общеуголовных преступлений»).

Мы уже ранее обращали внимание на то обстоятельство, что для привлечения виновного по ст. 318 УК РФ необходимо, чтобы действия потерпевшего (представителя власти) обязательно носили законный характер. При этом в практике судов нередко имеют место случаи обжалования обвинительных приговоров первых инстанций именно на основании того, что действия лиц, которые являются представителями власти, являются незаконными.

Так, Московским городским судом было вынесено апелляционное постановление, в котором отказывалось в удовлетворении апелляционной жалобы адвоката. В частности, по материалам дела выяснилось, что «допрошенный в судебном заседании потерпевший Ш.И.Р., показал, что 26 апреля 2016 г. совместно с другими сотрудниками принимал участие в ОРМ «Проверочная закупка» в отношении ранее незнакомого Митряковича по заявлению О.А.В. о том, что Митрякович занимается незаконным сбытом наркотических средств. После получения условного сигнала, он и Б.А.Ю. направились к автомашине «**», в которой находился Митрякович, демонстрируя свои служебные удостоверения и сообщая, что они являются сотрудниками полиции. Увидев их, Митрякович, заблокировал двери машины. На что он встал перед капотом автомашины и приложил свое удостоверение к лобовому стеклу, непосредственно перед ним. Однако, Митрякович, резко поехал вперед, в результате чего он сначала оказался на капоте автомашины

Митряковича, а потом упал на асфальт, в результате чего получил телесные повреждения, испачкал и порвал одежду. Митрякович же совершил столкновение с автомобилем «**», в которой находился оперуполномоченный П.В.Б., который пытался преградить ему дорогу, и скрылся с места преступления. 30 апреля 2016 г. Митрякович был обнаружен и задержан»¹.

В приведенной ситуации, в целом, решение суда было очевидным, поскольку действия сотрудником имели законное основание и проводились на основании требований ведомственных инструкций, связанных с действиями по обнаружению и пресечению преступлений. Вместе с тем, не всегда данные обстоятельство могут носить очевидный характер. Именно по этой причине в ходе рассмотрения дела в ряде случаев может потребоваться получение копий должностных инструкций, любых иных материалов, которые должны подтверждать законность действий потерпевшего, в том числе, например, патрульно-постовые ведомости, служебные графики по дежурствам в подразделении, рапорты, наличие протоколов об административных правонарушениях (которые будут подтверждать факт того, что в отношении виновного были применены законные меры), видео- и аудиозаписи, распоряжение о проведении проверки, план-задание и т.д. Возможна и необходимость в назначении экспертизы (лингвистической, фоноскопической, баллистической, автотехнической, видеотехнической и т.д.). Иными словами, утверждение о том, что ответственность по ст. 318 УК РФ может иметь место только в том случае, если действия потерпевшего (представителя власти) носили законный характер, является вполне конкретным требованием, которое является своеобразной защитой от необоснованного повышения уголовно-правовой репрессии, которая имеет место в рамках ст. 318 УК РФ.

Как мы уже ранее указывали, имеются некоторые спорные вопросы относительно определения конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. В целом, данное преступление (исходя из того, что основным объектом является порядок управления, а не физическая

---

¹ Апелляционное постановление МГС № 10-19726/2018 от 28 ноября 2018 г. – URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

или психическая неприкосновенность) можно считать оконченным в момент начала применения насилия, а не в связи с фактом наступления последствий в виде телесных повреждений. Вместе с тем, при рассмотрении дела должны иметь место те или иные подтверждения того, что насилия применялось (равно как и высказывалась угроза). На это могут указывать не только те или иные телесные повреждения, но и порча одежды, других предметов, имевшихся при потерпевшем. Вместе с тем, как показывает судебная практика, отсутствие четких доказательственных данных относительно непосредственного механизма причинения вреда (например, предмета, которым нанесены повреждения потерпевшему и т.д.) не является основанием для того, чтобы исключить факт незаконного применения насилия к представителю власти¹.

Следует отметить, что в практике судов РФ достаточно часто имеют место случаи квалификации как по ч. 1 ст. 318 УК РФ, так и по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Во многом это предопределяется тем, что даже причинение легкого вреда здоровью предполагает привлечение к ответственности по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Так, в частности, в апелляционном определении Московского городского суда указывалось: «Ж.М.А., находясь в вагоне поезда, следовавшего на станцию «**», беспричинно громко выражался нецензурной бранью, размахивал руками, на неоднократные замечания граждан не реагировал, чем нарушил общественный порядок, выразив явное неуважение к обществу; находящийся в том же вагоне поезда старший сержант полиции П. при исполнении своих должностных обязанностей, одетый в форменное обмундирование сотрудника полиции, являющийся представителем власти, действуя в соответствии с Федеральным законом «О полиции» и п. 10.25 Должностного регламента полицейской роты батальона ППСП УВД на ММ ГУ МВД России по г. Москве, утвержденного 11.10.2018 г., выявил вышеуказанное правонарушение Ж.М.А., подойдя к нему, представился, разъяснил суть допущенного правонарушения и предложил проследовать Ж.М.А. в комнату полиции для составления административного материала. В период времени с ** до ** г. он вывел Ж.М.А.

---

¹ Апелляционное постановление МГС №10-340/2020. – URL <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

из вагона поезда на платформу станции «**» Московского метрополитена, где Ж.М.А. при доставлении его в комнату полиции, нанес не менее одного удара кулаком по лицу П., причинив своими противоправными действиями комплекс повреждений в виде закрытой черепно-лицевой травмы, которые повлекли за собой кратковременное расстройство здоровья на срок менее 3-х недель и по этому признаку квалифицируются как причинившие легкий вред здоровью, применив тем самым насилие, опасное для здоровья»¹. Данным определением приговор суда первой инстанции был оставлен без изменения, а жалоба без удовлетворения.

Вместе с тем, как мы уже неоднократно указывали, в рамках угрозы применения насилия его ранжирование не имеет значения. То есть угроза применением насилия, опасного для жизни и здоровья в контексте уголовно-правовой оценки ничем не отличается от угрозы насилием, не опасным для жизни и здоровья. Так, например, в одном из определений ВС РФ указывалось: «суд правильно установив, что А. и В. угрожали применением насилия, опасного для жизни и здоровья работников милиции в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, их действия неправильно квалифицировали по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Согласно диспозиции ч. 2 ст. 318 УК РФ для квалификации действий осужденных по этой части не достаточно, чтобы были высказаны угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а требуется совершение конкретных действий по применению такого насилия. Угроза же применения насилия, в том числе опасного для жизни и здоровья, образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 318 УК РФ. В связи с чем, судебная коллегия считает необходимым действия А. и В. с ч. 2 ст. 318 УК РФ переqualифицировать на ч. 1 ст. 318 УК РФ»².

Это обстоятельство обращает на себя внимание, поскольку практика подобных решений судов первых инстанций является нередкой. Очевидно, в

---

¹ Апелляционное определение МГС №10-246/2020. – URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/> (дата обращения: 14.03.2023).

² Определение Верховного Суда РФ № 20-о01-85 от 21 ноября 2001 г. – URL: <https://sudbiblioteka.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

данном случае срабатывает такой элемент профессионального правосознания судей, при котором предполагается необходимость учета в квалификации степени тяжести не только причиненного насилия, но и характера высказываемых угроз.

Следует обратить внимание, что в судебной практике обнаруживаются ситуации, которые свидетельствуют о том, что квалификация по совокупности ст. 318 УК РФ и ст. 319 УК РФ (если речь идет об одном событии преступления) практически не применяется, поскольку в данном случае, как правило, имеет место динамика развития противоправного поведения виновного, когда от изначальных оскорблений он переходит к применению насилия. Так, в одном из приговоров ВС Республики Башкортостан в описательной части содержится указание на подобный случай, когда виновный, в отношении которого ранее был составлен протокол об административном правонарушении, специально поджидал сотрудников полиции с целью публичного выражения в их адрес оскорбления, однако в последующем его действия перешли в форму угрозы, когда он «достал из кармана пневматический газобаллонный пистолет модели «MP-654К», № T14056196, калибра 4,5 мм, производства Ижевского механического завода, имеющий внешнее сходство с пистолетом Макарова (ПМ)...»¹. Учитывая обстоятельство внешнего сходства с боевым оружием, суд пришел к выводу, что у потерпевшего имелись реальные основания опасаться за свою жизнь и здоровье, по причине чего квалификация была произведена по ч. 1 ст. 318 УК РФ (при этом ранее высказываемые оскорбления дополнительной квалификации не получили).

В практике судов практически отсутствует противоречие в отношении таких ситуаций, когда требуется квалификация случаев применения насилия к представителям власти в ходе массовых беспорядков. В подавляющем большинстве случаев производится квалификация по совокупности ст. 212 УК РФ и соответствующей части ст. 318 УК РФ.

---

¹ Приговор ВС Республики Башкортостан № 22-1002/2018 от 7 марта 2018 г. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

Так, в апелляционном постановлении МГС по делу № 10-7610/2014 указывалось: «В период времени с 16 часов до 20 часов 06.05.2012 года на участке местности, расположенном между д. * по ул. С* и д. 14 по Б*ул. в г. Москве, вдоль ул. С* между Б* мостом и М* мостом, Б* набережной и Б* площадью, во время проведения демонстрации, неустановленные лица, грубо нарушая общественный порядок и правила проведения массовых мероприятий, игнорируя законные требования представителей власти – сотрудников полиции и военнослужащих внутренних войск МВД РФ о прекращении противоправных действий, стали призывать присутствующих лиц к движению за пределы согласованного места проведения митинга, неподчинению законным требованиям сотрудников полиции и военнослужащих внутренних войск МВД РФ, применению насилия, своим поведением побуждать собравшихся к совершению вышеуказанных действий, что привело к возникновению массовых беспорядков, сопровождавшихся применением насилия в отношении представителей власти в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, повреждением и уничтожением имущества»¹.

Таким образом, подводя итог отдельным частным ситуациям квалификации, которые имели место в судебной практике судов РФ различных инстанций, следует отметить, что имеются некоторые сложности в разграничении ст. 318 УК РФ как в рамках точного определения квалификации в рамках частей данной статьи, так и в контексте сопоставления с другими статьями УК РФ. В частности, угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья нередко соотносят с ч. 2 ст. 318 УК РФ, хотя все случаи угроз подпадают под действие ч. 1 ст. 318 УК РФ. Определенные затруднения складываются и в отношении таких ситуаций, когда суд ненадлежащим образом определяет точное наличие признаков представителя власти, а также не всегда осуществляет достаточную проверку того обстоятельства, что действия представителя власти сами по себе должны быть законными.

---

¹ Апелляционное определение № 10-7610/2014 от 20 июня 2014 г. по делу № 1-3/2014. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное теоретическое исследование состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ в совокупном анализе с материалами опубликованной судебной практики позволяет сделать следующие основные выводы.

Специфика ст. 318 УК РФ в параметрах характеристики объекта преступления, заключается в том, что данное преступление является по своему характеру двухобъектным, где один объект основной – порядок управления, а второй – дополнительный, то есть здоровье представителя власти или близких ему лиц. Дополнительный объект является обязательным, поскольку сам характер преступления предполагает в обязательном порядке причинение вреда физической или психической неприкосновенности либо самого представителя власти, либо близких ему лиц.

Мы пришли к выводу, что указание исследователей на то обстоятельство, что к представителям власти следует относить только лиц, которые обеспечивают нормальную государственно-управленческую деятельность (соответственно, органов государственного или местного самоуправления), которые осуществляют государственные или общественно полезные функции, представляется несколько неточным. Теоретическое и практическое значение данного вопроса заключается в том, что признаки потерпевшего в составе ст. 318 УК РФ можно оценивать как признаки, характеризующие сам характер преступления, а равно определяющим границы квалификации именно по данной статье УК РФ. Не определившись с понятием представителя власти, весьма затруднительно и определение категории «близкие лица» (поскольку предполагается, что лица являются близкими именно представителю власти). Именно по этой причине трактовка понятия «представитель власти» сохраняет свою дискуссионность в уголовном праве уже на протяжении достаточно длительного периода времени.

К настоящему времени, очевидно, нет достаточных оснований для того, чтобы приравнивать к представителям власти лиц, осуществляющих

сотрудничество с правоохранительными органами на добровольной основе. Однако в подобных предложениях, которые высказываются в теории, есть определенный смысл, поскольку побуждение граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами требует дополнительных стимулов, в том числе, и точки зрения оценки значимости их деятельности и ее соответствующей охраны.

В ходе исследования был выявлен факт того, что в рамках категории «близкие» для представителя власти в контексте ст. 318 УК РФ имеется также повышенная степень уголовно-правовой охраны, отличающаяся от причинения того или иного вреда в контексте общеуголовных преступлений. Так, в частности «гражданское лицо», которое окажется «близким» для представителя власти в гораздо большей степени ставится под охрану в том смысле, что сам факт причинения побоев (насилия, не опасного для жизни или здоровья) оценивается как более общественно опасный, нежели причинение побоев в обычной ситуации. А в соответствии со ст. 116 и ст. 116.1 УК РФ, для привлечения к уголовной ответственности за причинение побоев требуется наличие дополнительных оснований (особых обстоятельств причинения побоев либо административной преюдиции).

Законодатель фактически придает равное значение психическому и физическому насилию в ч. 1 ст. 318 УК РФ. Подобные конструкции имеют место и в других статьях Особенной части УК РФ (например, в половых посягательствах). Полагаем, что объединение в одно свойство психического и физического насилия имеет место по той причине, что сам факт насильственного воздействия на представителя власти (независимо от интенсивности воздействия) является достаточным для того, чтобы признать данное преступление общественно опасным.

Угроза является альтернативной формой насилия, по причине совершения которого в отношении представителя власти или его близких может быть реализована уголовная ответственность в рамках ст. 318 УК РФ. В данном случае следует отметить, что имеется явный дефицит официального толкования высшей судебной инстанции относительно правильной трактовки

той или иной формы угрозы. В целом, оценка угрозы всегда должна иметь ситуационный характер. Основное назначение совершения подобной формы насилия в самом общем варианте следует расценивать как стремление запугать потерпевшего, парализовать его волю, принудить к совершению тех или иных действий, которые желательны для виновного лица.

Несмотря на то обстоятельство, что основным объектом рассматриваемого преступления является порядок управления, факт ранжирования уголовной ответственности в зависимости от степени реально причиненного вреда представителю власти подтверждает то обстоятельство, что дополнительный непосредственный объект – это не наименее защищаемое уголовным законом благо.

Конструкция ст. 318 УК РФ, которая выполняет функцию специальной нормы по отношению к многим составам преступлений, нуждается в определенном совершенствовании. Включение дополнительных признаков (частей) в ст. 318 УК РФ позволит в гораздо более эффективном варианте разграничить данный состав с так называемыми «общеуголовными» преступлениями, которые заключены в рамках главы «Преступления против личности».

Во-первых, ст. 318 УК РФ не охватывает те ситуации, которые имеют место в случаях причинения по неосторожности смерти представителю власти или его близким в связи с осуществляемым актом криминального насилия. Правила криминализации квалифицирующих признаков состава преступления требуют того, чтобы в рамках конкретного состава подлежали учету и соответствующей пенализации те обстоятельства, повышающие степень общественной опасности содеянного, которые имеют (или могут иметь) достаточную распространенность в рамках соответствующего состава. Полагаем, что случаи причинения смерти по неосторожности являются именно таким обстоятельством, требующим учета непосредственно в ст. 318 УК РФ с установлением повышенных параметров уголовной ответственности.

Кроме того, учитывая объективно складывающиеся ситуации в контексте деятельности представителей власти, когда им нередко приходится

коллективно противодействовать тем или иным формам незаконного поведения, следует установить повышенные параметры ответственности и в отношении случаев причинения смерти по неосторожности двум и более лицам, которые в рамках ст. 318 УК РФ определены в качестве потерпевших.

Умышленная форма вины в рамках ст. 318 УК РФ устанавливается, в первую очередь, через специфику конструкции объективной стороны данного состава преступления. При этом сам факт наличия мотива и цели совершения преступления в качестве конститутивного признака субъективной стороны состава преступления (как имеет место в ст. 318 УК РФ) традиционно является подтверждением того, что законодатель акцентирует именно умышленный характер совершенного преступления. Кроме того, в контексте трактовки понятия «насилие», как правило, изначально исключается возможность неосторожной вины.

При формулировании диспозиции ст. 318 УК РФ законодатель использует словосочетание «в связи с исполнением своих должностных обязанностей». Этой формулировкой фактически подчеркивается два значимых обстоятельства. Во-первых, она позволяет отграничивать случаи применения насилия власти по ст. 318 УК РФ от аналогичных признаков преступлений, совершаемых на так называемой «бытовой почве» либо при других обстоятельствах, не имеющих отношения к служебной деятельности представителя власти. Во-вторых, она предполагает необходимость субъективной оценки действий виновного лица, которое должно точно осознавать, что совершает насилие в отношении представителя власти именно в связи с исполнением им своих должностных полномочий.

Фактически основным параметром разграничения ст. 317 УК РФ и ст. 318 УК РФ является критерий четкого определения объекта преступления (в ст. 317 УК РФ требуется однозначное установление того, что виновный посягал именно на жизнь сотрудника правоохранительного органа). В структуре ст. 318 УК РФ в качестве обязательного дополнительного объекта выступает здоровье представителя власти (к которым относятся и сотрудники правоохранительных органов).

Проанализированная судебная практика показывает, что установление факта угрозы часто является достаточным для того, чтобы квалифицировать по ч. 1 ст. 318 УК РФ, при этом суд акцентирует внимание на том обстоятельстве, что конкретизация содержания угрозы является избыточной.

Для привлечения виновного по ст. 318 УК РФ необходимо, чтобы действия потерпевшего (представителя власти) обязательно носили законный характер. При этом в практике судов нередко имеют место случаи обжалования обвинительных приговоров первых инстанций именно на основании того, что действия представителей власти, являются незаконными. Наличие явно незаконного характера в действиях представителя власти исключает факт противоправности применяемого в отношении него насилия и должно оцениваться по правилам необходимой обороны.

Следует обратить внимание, что в судебной практике обнаруживаются ситуации, которые свидетельствуют о том, что квалификация по совокупности ст. 318 УК РФ и ст. 319 УК РФ (если речь идет об одном событии преступления) практически не применяется, поскольку в данном случае, как правило, имеет место динамика развития противоправного поведения виновного, когда от изначальных оскорблений он переходит к применению насилия.

Анализ опубликованной судебной практики показал, что имеются некоторые сложности в разграничении ст. 318 УК РФ как в рамках точного определения квалификации в рамках частей данной статьи, так и в контексте сопоставления с другими статьями УК РФ. В частности, угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья нередко соотносят с ч. 2 ст. 318 УК РФ, хотя все случаи угроз подпадают под действие ч. 1 ст. 318 УК РФ. Определенные затруднения складываются и в отношении таких ситуаций, когда суд ненадлежащим образом определяет точное наличие признаков представителя власти, а также не всегда осуществляет достаточную проверку того обстоятельства, что действия представителя власти сами по себе должны быть законными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru>. – Текст: электронный.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 75, ст. 2954.

3. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. 45-ФЗ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7747/page/2> (дата обращения: 04.02.2023).

4. Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н. – URL: <https://resheniya-sudov4.ru/7/108205/> (дата обращения: 04.03.2023).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Абазалиев Р. К. О понятии и видах угрозы в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, ст. 296 УК РФ // Российский судья. 2004. № 11. С. 26.

2. Абдулкеримов И. З. Некоторые проблемы отграничения посягательств на сотрудников правоохранительных органов от смежных составов преступлений // Образование и право. 2019. № 6. С. 109.

3. Амарсанаа Вандан-Иш Субъективная сторона посягательств на жизнь и здоровье представителя власти в уголовных законодательствах Российской

Федерации и Монголии // Вестник краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 33-37.

4. Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // СПС «Гарант».

5. Баглай Ю. В. Субъективная направленность преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 82.

6. Басова Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // Уголовное право. 2005. № 3. С. 9.

7. Богомолов Д. П. Уголовно-правовые меры охраны здоровья представителей общественности, в организованном порядке привлекаемых к деятельности по обеспечению правопорядка (ст. 318 УК РФ) / Д. П. Богомолов, М. Л. Прохорова // РСЛ. 2010. № 9. С. 4.

8. Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.

9. Бужор В. Г. Криминологический анализ и предупреждение тяжкой насильственно-групповой преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

10. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000.

11. Гамидов Р. Т. Применение насилия в отношении представителя власти: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: на примере Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

12. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969.

13. Грибунов О. П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003.

14. Егиазарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

15. Ермакова О. В. Особенности толкования и квалификации применения насилия в отношении представителя власти // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат. XXI Всерос. науч.-практ. конф., 2021.
16. Кизилев А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002.
17. Кисиев М. Н. Угроза применения насилия в отношении представителя власти // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 32
18. Кисиев С. М. Понятие представителей власти в уголовном праве: Сб. науч. тр. Ставрополь, 2007. Вып. 5.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2012.
21. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: Монография. М., 2012.
22. Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: Монография. Ставрополь: СФ КА МВД России, 2005.
23. Кравцова О. В., Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А. Представитель власти как потерпевший от преступления // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 584.
24. Красильникова О. В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ // Е-СЦИО. 2021. № 6 (57). С. 105.
25. Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве России: проблемы теории и практики правового регулирования / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002.
26. Курс уголовного права / Под ред. В. С. Комиссарова. Т. 4. Особенная часть. М., 2012.
27. Левин П. Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

28. Литвяк Л. Г., Геворгян М. А. Проблемы снижения возрастных пределов уголовной ответственности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Часть 2. С. 252.

29. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. М.: Волтерс Клувер, 2011. Т. 1: Общая часть.

30. Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов. М., 1997.

31. Ображиев К. В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь, 2002.

32. Пионтковский А. А. Преступления против личности. М., 1938.

33. Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления: дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1971.

34. Полный курс уголовного права: учеб.: в 5 т. Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008.

35. Правопорядок: социально-правовое понятие и содержание // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Калининград, 1995.

36. Преступления против правосудия / Под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2005.

37. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть. М., 1998.

38. Российское уголовное право. Особенная часть / Под редакцией академика В. Н. Кудрявцева, д.ю.н., профессора А. В. Наумова. М., 1997.

39. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

40. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003.

41. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002.

42. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

43. Старкова О. В. Бытовые насильственные преступления: (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань, 1992.

44. Сулейманова И. Е. Проблемы квалификации применения насилия в отношении представителя власти // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (34). С. 150.

45. Таможник Е. Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Тамбов, 2006.

46. Третьяков К. В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти. Самара, 2009.

47. Тулин С. Н. Осуществление лицом служебной деятельности и выполнение общественного долга как объект уголовно-правовой охраны. М., 1998.

48. Хабарова М. В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

49. Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления: учеб. пособие. М., 2015.

50. Шарапов Р. Д. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79-80.

51. Шрамченко А. В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. Ставрополь, 2007.

52. Яковлева С. А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003.

III. Эмпирические материалы

1. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2023).
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11. – URL: <https://rg.ru/2004/06/29/iznasilovania-razjasnenie.html> (дата обращения: 04.02.2023).
5. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7.
6. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8467/> (дата обращения: 14.02.2023).
7. О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. № 9. – URL: <https://base.garant.ru/1305309/> (дата обращения: 14.02.2023).
8. Апелляционное определение № 10-7610/2014 от 20 июня 2014 г. по делу № 1-3/2014. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).
9. Апелляционное определение МГС №10-246/2020. – URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/> (дата обращения: 14.03.2023).

10. Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22-1468/2020 от 9 декабря 2020 г. по делу № 1-322/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2023).

11. Апелляционное постановление МГС № 10-19726/2018 от 28 ноября 2018 г. – URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

12. Апелляционное постановление МГС №10-340/2020. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

13. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-11628/2014 от 25 августа 2014 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/paHxjdGL1oxu/> (дата обращения: 13.02.2023).

14. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 1-о12-16 сп по жалобе осужденного Федотова Е. В. – URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/gazaxDH2YmNj> (дата обращения: 18.02.2023).

15. Определение № 44-099-89 по делу Зубарева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

16. Определение Верховного Суда РФ № 20-о01-85 от 21 ноября 2001 г. – URL: <https://sudbiblioteka.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

17. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 43-099-81 по делу Русских // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 14.

18. Определения КС РФ по жалобе гр-на Поташова Г. А. от 28.02.2019 №560-О. – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).

19. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 86п2000 по делу Толкачева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9. С. 8.

20. Практика применения ст. 318 УК РФ, квалифицирующие обстоятельства. Ошибки в практике применения. – URL: <http://studbooks.net/> (дата обращения: 14.02.2023).

21. Приговор Асиновского городского суда Томской области по делу № 1-195/15 от 30 июня 2015 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

22. Приговор Верховного суда Республики Башкортостан по делу № 49-о01-126 от 3 августа 2001 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

23. Приговор ВС Республики Башкортостан № 22-1002/2018 от 7 марта 2018 г. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

24. Приговор Косихинского районного суда Алтайского края по делу № 1-75/2016 от 14 января 2016 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2023).

25. Приговор Медведевского районного суда Республики Марий Эл № 1-35/2017 от 01.03.2017 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023)

26. Приговор Оловяннинского районного суда Забайкальского края по делу № 1-73/2015 от 16 января 2016 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

27. Приговор от 4 февраля 2011 г. Астраханская область. – URL: <https://resheniya-sudov4.ru/7/108205/> (дата обращения: 13.03.2023).

28. Приговор суда г. Барнаула Алтайского края по делу № 1-275/2015 от 10 октября 2015 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

29. Приговор Тальменского районного суда Алтайского края по делу № 1-24/2012 от 11 января 2012 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

30. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы №1-480/19. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

31. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-1124/2015 1-25/2015 1-25/2016 от 4 февраля 2016 г. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.02. 2023).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений, составляющих государственную тайну.

Багавутдинов И.Ф.